

ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

КОСТРОМСКАЯ
СТАРИНА

1993
№ 4

Бояре упрощают Михаила Федоровича вступить на царство.
Фото из альбома «История России в портретах по столетиям».

С ЭТОГО ВСЕ НАЧИНАЛОСЬ.
ЮНЫЙ БОЯРИН МИХАИЛ РОМАНОВ ДАЛ
СОГЛАСИЕ, ТАК РОДИЛАСЬ НОВАЯ ЦАРСКАЯ
ДИНАСТИЯ.

СВЕТ НАДЕЖДЫ ВСХОДИЛ НАД НАРОДОМ,
СОБРАВШИМСЯ В ХРАМЕ, НАД УСТАВШЕЮ
РУССКОЙ ЗЕМЛЕЙ...

А БЫЛО ЭТО В 1613 ГОДУ, В ГОРОДЕ КОСТ-
РОМЕ, В МОНАСТЫРЕ ИПАТЬЕВСКОМ.

„БОЖИЕ ЕСТЬ СИЕ ДЕЛО...“

На этих страницах журнала предстоит знакомство с историей избрания юного Михаила Федоровича Романова на царский престол, которую рассказал костромской историк, протоиерей Успенского кафедрального собора ПАВЕЛ ФЕДОРОВИЧ ОСТРОВСКИЙ в «Исторических записках о Костроме и ее святине, благочестно чтимой в Иператорском Доме Романовых», изданных в 1864 году.

Павел Федорович Островский (1807—1876) родился в семье протоиерея Благовещенской церкви г. Костромы. Его старший брат Николай Федорович — отец известного русского драматурга Александра Николаевича Островского. Окончил Костромскую духовную семинарию и Московскую Духовную Академию. Служил протоиереем Успенского кафедрального собора, исполнял обязанности ключаря, автор ряда книг о костромских церковных древностях и святынях.

КОНЦУ 1612 года Москва и вся средняя Россия, очищенные от врагов внешних, торжествовали свое спасение. Скоро и

всему государству возведено о спасении престольного града. Оставалось избрать главу государства — царя православного. Некоторые предложили престол князю Пожарскому, признавая справедливым иметь царем спасителя России. Пожарский с великодушною твердостью уклонился от предложения. К 12-му февраля (1613 года) собрали в Москву великий земский совет для избрания царя, и снова явились крамолы: избиратели раздирались на партии; но дух святителя Гермогена как будто следил за спасением России. Все помнили, кого он избирал в цари России, и земский совет решил последовать мысли святителя: [...] от первого сановника до последнего гражданина единогласно избран на царство юный Михаил Романов, недавно освобожденный (28 сентября 1612 г.) из плена, в котором держали его поляки, владевшие Москвою, а теперь живший в своей Костромской вотчине. В неделю православия (26 февраля) православная Москва присягнула православному царю, «благочертушей отрасли благородного кореня». Тотчас написали грамоты кн. Михаилу Федоровичу и матери его инокине Марфе Иоанновне, а вместе с тем разослали по всей России присяжные записки, скрепленные дьяком Евдокимовым. В Кострому отправлено было великое посольство, с особенным наказом кому что говорить: в наказе не было опущено из виду и то, что бояре и вся Москва посылают к литовскому королю за отца государства Филарета митрополита на обмен многих лучших людей². Грамота об этом размене отправлена к Сигизмунду 10 марта с дьяком Оладьным. [...]

Тернистый путь, по которому промысл Вышнего вел Россию к спасению и избавлению от влияния иноплемеников, уже оканчивался. Со 2 марта открылось по пути к Костроме торжественное шествие великого Московского посольства от имени всего государства: во главе посольства были московская святыня — святые иконы Владимирской Богоматери и Московских чудотворцев; самое посольство составляли знаменитые сановники государства — из духовного чина: Феодорит, архиепископ Рязанский, архимандрит чудовский Авраамий, новоспаский Иосиф, симоновский Павел, Сергиевской Лавры келарь Авраамий Палицын, протопопы и ключари московских соборов: Благовещенского, Архангельского и Николая Зарайского, от синхлита: бояре

— Федор Иванович Шереметев, князь Владимир Иванович Бахтеяров-Ростовский, окольничий Федор Васильевич Головин, дьяк Андрей Варев и всех чинов множество. В 11 дней посольство совершило путь свой, прибыв 13 марта в село Новоселки (ныне Селище), отстоящее от Костромы в 2 верстах, за рекою Волгою. Глубоко преданные престолу, градодержатели и жители Костромы давно с нетерпением ожидали прибытия посольства и счастливые уже тем, что от их пределов воссияет для России солнце и в их же пределах должно совершиться великое событие воцарения Михаила Федоровича Романова, спешили в Селище, чтобы воздать благоговейное поклонение Московской святине, сопутствовать посольству в обитель св. Ипатия и там зреть очи царя новоизбранного. Но как день (13 марта) склонялся уже к вечеру, то торжественное шествие в Ипатьевский монастырь отложено до следующего дня — 14 марта — это было воскресенье четвертой недели великого поста, — преосвященный Феодорит с освященным собором, в предшествии хоругвей, животворящего креста, св. чудотворных икон Московских, а боярин Федор Шереметев, «учинив свои чины по достоянию»³, открыли торжественное шествие к монастырю Ипатьевскому по Волге; одновременно с ними городское духовенство, в предшествии крестов и чудотворной Федоровской иконы Богоматери, вышло из собора, сопровождаемое чинами воинскими и гражданскими и множеством народа с женами и детьми. На том месте, где р. Кострома сливается с Волгою, соединилась Москва и Кострома — в лице святыни их, освященных соборов, сановников и множества народного в одну знаменитую и по цели и собранию святыни единственную в летописях нашего отечества процессию, благоговейно и радостно продолжавшую путь по реке Костроме до св. обители. Колокольный звон при градских церквях и в самом монастыре возвестил Романовым о приближении посольства; с болезнью в сердце и с печалию на лице, они вышли из монастыря навстречу процессии, с благоговением, в слезах пав на землю, они поклонились святине и приняли благословение святителя Феодорита, осенившего их животворящим крестом. Безмолвно и печально стоял юный Михаил, избранный на царство. После приветственной речи Шереметева послы поднесли грамоты Михаилу Федоровичу о избрании его на всероссийский престол, а Марфе Иоанновне — с молением о согласии и благословении сына на царство, и просили их стать на первом месте в процессии, чтобы следовать за нею в Троицкий храм Ипать-

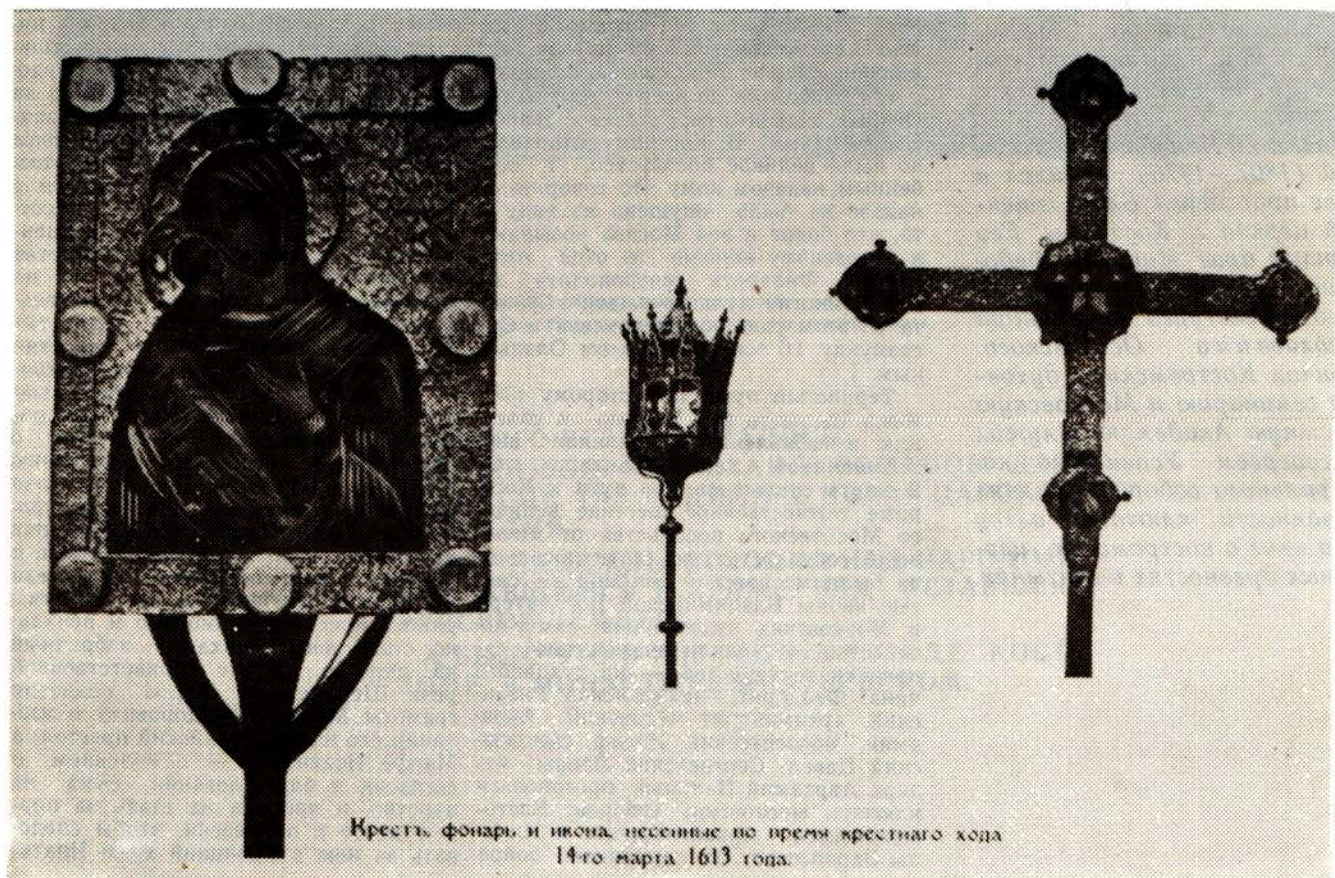

евской обители. С умилением и радостными слезами взирая на юного, Богом даруемого России царя, все, пришедшие к нему, с трепетом ожидали милостивого царского слова. Но Романовы не хотели ни принимать грамот, ни стать на предлагаемое место. Мгновенно изумление и горесть заступили место радости и умилению. Немало потребно было времени для убеждения Романовых даже к тому, чтобы они шли за святынею в храм⁴. Здесь, по совершении освященным собором молебствия пред чудотворными иконами, началось новое состязание подданных с своим царем: восстала борьба любви и преданности с смирением, отвергавшим жертвы их: одни слезно умоляют юного Михаила, как избранника Божия, принять царский скипетр Русского самодержавия, другой с смирением и вместе с твердостью отказывается от высокой чести⁵. Святитель Рязанский произносит продолжительную, сильную убеждениями речь, в которой представляет, что многие христианские государи принимали скипетр царский не по собственному желанию, но по единогласному избранию наро-

да, глас которого есть глас Божий, приводит примеры таких избранников, принявших сан царский, упоминает о Давиде и Иосифе, царствовавших в Израиле и Египте, о греческих царях — Константине и Феодосии великом, о мудром Маркиане, Иустине, Тиверии и Маврикии, а юный Михаил защищается своею юностью, неопытностью, представляя измены народа в последнее время бедственного состояния России, изъявленной, измученной и разоренной поляками, шведами и русскими крамольниками и, следовательно, требующей царя и вождя мудрого и крепкого, — оградаясь самым отсутствием своего родителя, без благословения которого он не дерзает и помыслить принять тяжкий венец царский, и, наконец, — пленом, в котором томится его родитель у Сигизмунда и который может сделаться тягчайшим, если сын примет венец царский, недавно обещанный сыну Сигизмунда Владиславу⁶. Как бы в помощь витийству Феодорита и мольбам посольства, лились слезы у всех, присутствовавших в храме и умолявших Михаила о принятии царского скипетра, раздавались плач и

рыдания в храме и вне храма, не вмещавшего в себе всего множества народного, а Михаила укрепляла нежная любовь к матери, с твердостью и негодованием⁷ отказавшей посольству в своем согласии — отдать на царство юного сына, воспитанного в мирном уединении и не знакомого с великой наукой царствовать. Мольбы посольства и народа продолжались около шести часов безуспешно: горесть переходила в отчаяние — матери бросали на землю грудных младенцев, не внимая плачу их, а Романовы оставались непреклонными⁸. Наконец, священные чины, подъяв на руках честные кресты и чудотворные иконы, подошли к Михаилу, и Феодорит с твердостью сказал: «Не противься воле Божьей — не мы предприняли сей подвиг, но Пречистая Божья Матерь возлюбила тебя, — устыдись пришествия Ее». Смutilся Михаил от неожиданной, строго святительской речи, в которой мнил слышать глас самого Бога, твердость его поколебалась: он подошел в слезах к матери, чтобы в ней найти себе подкрепление, но в то же время Феодорит со всем собором, и бояре с вы-

Кресты, фонды и икона, несенные по время крестного хода
14го марта 1613 года.

борными из всех городов, и народ пали на колени перед инокиней Марфой Иоанновной, рыдая и умоляя ее именем Бога, церкви и страждущего отечества — отдать сына на утешение миллионов народа русского, на спасение церкви, веры и отечества. «Смотри, — говорили они в слезах, указывая на чудотворные иконы, — кто желает этого, кто пришел приветствовать тебя с избранным царем — сыном твоим». Сердце смиренной инокини, проникнутое чудною силой преданности воле Божией, не могло устоять против таких сильных молений, соединенных с прещением на противящихся воле Божественной: Марфа Иоанновна изрекла свое согласие, но Михаил оставался все еще непреклонным. Все безмолвствовали, в трепетом ожидая последней борьбы матери с сыном, — одни слезы говорили за них. Теперь уже сама мать пристала к сонму умоляющих Михаила на царство, в умилении и тихости увещая своего сына, а Михаил все еще не соглашался, со многими рыданиями отрицаясь от трона. Наконец, благочестивая инокиня с твердостью сказала сыну: «Божие есть сие дело, а не человеческий разум». Тогда и сын, воспитанный в страхе Божиим и наученный из млада безусловной преданности Промыслу Божественному, не смел уже более противиться «многовещанному и умильным словесам матери своей», повергся на землю пред чудотворными иконами Богоматери и, рыдая, произнес: «Аще есть на то воля твоя, я — твой раб, спаси и соблюди меня». Потом, вставши и обратившись к посланцам, сказал: «Аще есть на сие дело воля Божия, буди тако». Затихли в храме рыдания, на лицах присутствовавших в нем слезы печали презратились в слезы радости; радостная весть о милостивом слове царя мгновенно перелетела за стечы храма и вложила в сердца всех восторг невыразимый. Благочестивая мать царицы взяла руку сына и, вместе с ним преклонив колена пред ликом заступницы рода Христианского, со слезами изрекла: «В твои пречистые руки, Владычица, предаю чадо мое, наставь его на путь истинный, устрой ему полезная и всему православному христианству»⁹.

Тотчас возложили на государя животворящий крест, поднесли царский жезл и предложили стул царский. Самодержец всея России изволил слушать Божественную литургию и торжественное молебствие, при окончании которого возглашено было многолетственное поздравление царю Богоизбранному.

Так совершилось воцарение Михаила Федоровича в Костромском Ипатьевском монастыре в 14 день марта 1613 года, с того самого времени доселе торжественно празднуемый цер-

Печать Михаила Федоровича Романова.

ковью в честь Федоровской иконы Богоматери. Под кровом небесной царицы благочестивая инокиня в лучшее время юности сына своего (1606 — 1611) обучала его благочестию и страху Божию, — и теперь в ее же «пречистые руки предала» его, отдавая на царство. Радостно было это событие не для одной Костромы, более других счастливой тем, что она первая приветствовала Богоизбранного царя, но и для всей России, обрадованной скорою вестью о воцарении Михаила Федоровича, единодушно избранного ею себе в цари: быть же радость на Москве велика, паче первых, то есть когда радовалась Москва только о избрании царя православного.

В память такого великого и радостного события в Костроме, близ Успенского собора, воздвигнута каменная церковь во имя преподобного Геннадия¹⁰, первого провозвестника славы Дома Романова, а подле Троицкого собора, бывшего в кремле, — деревянная церковь во имя Московских святителей, как ходатаев за Россию о даровании ей царя Михаила Федоровича¹¹. 14 марта этот «нарочитый праздника день» остается для верноподданных православного царя русского доселе «радостен, как воспевают святая церковь, яко днесь рукою великого князя и государя Михаила Федоровича, от костромских пределов воссиявшего, вся страны отечества нашего умирил Господь». Но не один этот светлый праздник, особенною торжественностью совершаемый в Костроме, приводит жителям ее на память великое событие, совершившееся в пределах ее: память сего великого события в Костроме впрочена для родов грядущих и иным образом. Благочестие наших предков, украшавшее галерею соборного храма изображениями священных событий вет-

хого и нового заветов, собрало сюда для воспоминания и поучительного созерцания все предметы, близкие сердцу верных сынов Христовой церкви и царственного дома, и поместило среди них изображение великого события 1613 года, как ближайший завет мира, данный Богом России. Событие разделено на три картины**, изображающие: а) шествие в Ипатьевский монастырь Московского посольства, Костромского церковного чина и народа, в предшествии Московский и Костромской святыни; б) ходатайство представителей России перед инокиней Марфой Иоанновной о даровании ее согласия и благословения юному сыну ее Михаилу Федоровичу на принятие самодержавства Русского и в) самое воцарение Михаила Федоровича в Троицком храме Ипатьевского монастыря. Между картинами в особом клейме написано объяснение этих событий под названием «послание из царствующего града Москвы к Костроме к государю с молением о воцарении его на Московское государство, во обители Живоначальной Троицы в Ипатьевском монастыре, что на Костроме».

1. Никоновская летопись, ч. 8, с. 191—202.
 2. Собрание государственных грамот, т. III, № 6.
 3. Троицкая летопись, с. 256.
 4. Собрание государственных грамот, т. I, с. 619.
 5. Там же, т. I, с. 620.
 6. Там же, с. 622, 624.
 7. Там же, с. 619, 620.
 8. Там же, т. I, с. 625.
 9. Сказание Авраама Палицына, с. 298.
 - 10, 11. Обе церкви в 1773 г. от пожара разрушились и по недостатку средств не были уже возобновлены.
- ^{*} Примечание № 1—11 к тексту составлены самим П. Островским.
- ^{**} Роспись паперти Успенского собора сделана в 1788 г. при протоиерее Иоанне Александровиче Метелкине на средства костромского купца Афанасия Андреевича Ашастина. Собор был взорван 8 июля 1934 г.

СПАСЕНИЕ МИХАИЛА РОМАНОВА

Доклад председателя Костромской губернской ученой архивной комиссии Н. Н. СЕЛИФОНТОВА о рукописи, пожертвованной Г. В. Мягковым и заключающей в себе изложение одного из вариантов предания об обстоятельствах, сопровождающих подвиг спасения жизни отрока Михаила Федоровича Романова Иваном Сусаниным.

Николай Николаевич Селифонтов (1835—1900), предстатель старинной дворянской фамилии. Родился в с. Семеновском Нерехтского уезда Костромской губернии. По окончании курса в Императорском училище правоведения служил в министерстве юстиции. В качестве товарища министра путей сообщения участвовал в проведении реформ, направленных на строительство судоходства и развитие железных дорог. Позже был назначен председателем Департамента духовных и гражданских дел Государственного Совета и статсекретарем. Имел звание действительного статского советника.

Н. Н. Селифонтов стал инициатором создания археологического музея при Костромской губернской ученой архивной комиссии. Он занимался изысканием и разбором старинных памятников письменности.

ХОТЯ изредка, но, однако, постоянно пополняется наш Романовский отдел новыми документами и книгами, заключающими в себе материал, нужный для истории предков первого царя из Дома Романовых.

Так, в истекшем году, благодаря вниманию и содействию нашего почтенного сочлена Геннадия Васильевича Мягкова, получена в отдел рукопись, хотя и не особенно старинная, но для нас очень ценная, так как она содержит в себе, между прочим, вариант предания об обстоятельствах, при которых совершилось спасение жизни, в конце 1612 г., отрока Михаила Федоровича Романова, по которому спасенный будущий царь-отрок был укрыт Иваном Осиповичем Сусаниным в яме только что сгоревшего крестьянского овина, в дер. Деревеницах, где, а не в чистом болоте, погиб Сусанин.

Рукопись эта, с которой я намерен Вас сегодня познакомить, озаглавлена так: «Краткая история о несчастиях боярина Федора Никитича Юрьева-Романова, родных его и супруги Ксении, рожденной Шестовых, также о спасении от поляков и Литвы в 1613 г. их сына». Писана рукопись отчетливым почерком начала текущего столетия и не раньше 1835 г. Она, очевидно, была приготовлена для печати и обоснована ссылками на источники, из коих позднейшим показан журнал «Библиотека для чтения», за 1834 г. июль месяц.

Собиратели предания о подвиге Ивана Сусанина и излагатели сего предания в разных печатных изданиях постоянно указывали, что Михаил Федорович был спрятан бурмистром Домнинской вотчины крестьянином деревни Деревеницы Иваном Осиповичем Сусаниным в подземных тайниках усадебного в с. Домнино господского дома. При этом историки Костромского края, описывавшие это предание, нередко указывали, что относительно собственно места укрытия отрока Михаила было и другое предание, а именно, что он был временно сокрыт Сусаниным в яме только что сгоревшего дома в д. Деревеницах, овина. Когда мы сами посетили в августе месяце 1895 г. село Домнино и его окрестности, нам крестьяне названной деревни указывали даже следы этой овинной ямы, с которой потом наш неутомимый непреременный член комиссии Н. М. Бекаревич сам снял фотографическое изображение. Наконец бытописатели Костромского края кн. А. Козловский, протоиерей отец Михаил Диев и Василий Алексеевич Самарянов прямо даже указывают, что рукопись с преданием об овине была в руках известного издателя «Отечественных записок» Павла Пет-

ровича Свинына, которому ее сообщил некто Назаров, но которую потом нигде не могли отыскать.

Если и нет несомненных доказательств того, что именно настоящая рукопись, составленная около 1835 г., есть рукопись Назарова и была в руках П. П. Свинына, то, с другой стороны, есть полная вероятность, что автор полученной нами рукописи имел в виду содержание рукописи Назарова.

Начинается рукопись с изложения смерти царя Федора Ивановича и воцарения Бориса Годунова, затем идет подробный мартиролог Романовых, их родственников и свойственников, подвиг Ивана Сусанина и кончается описанием Домнинского храма и прихода. Изложение дышит чувством негодования, когда идет описание о том, который и где из Романовых и их родственников придушен, заморен голодом, убит и т. д. Событие же спасения жизни Михаила Федоровича изложено буквально так: «А наконец поляки и Литва, пришедшие в бессилie, 28 октября очистили Кремль и Москву и выслали оттуда всех бывших у них в плену россиян, в числе коих инокиню Марфу Ивановну с сыном Михаилом. Которые, не промедляя, выехали в Кострому, где основали себе жителство: 1-е в бывшем там ее собственном доме позади женского Крестовоздвиженского монастыря, а последний уехал за 65 верст в родовую ее вотчину Костромского округа, ныне Буйского, в село Домнино, в коем еще от прадеда его Василия Михайловича и деда Ивана Васильевича Шестовых была устроена усадьба, господский дом и разные заведения, с садом. Там они гг. Шестовы жили и соорудили церковь, украсили пожертвованием святых икон и других потребностей для благолепия, каковая усадьба и дом инокини Марфы Ивановны от Москвы имел расстояние около 380 верст: а ныне все пусто и в забвении, даже не обращается внимание на святые иконы, от гг. Шестовых оставшиеся, которые изографированы назад тому не менее 400 лет, но тусклости и порчи еще не подверглись.

Пребывание же инокини Марфы Ивановны определила себе иметь на Костроме, в собственном ее доме потому, что состоял в близости женского монастыря, а 2-е, потому, что Ипатьевский монастырь был мужской и проживать ей там не дозволяли и пол и приличие, а 3-е, потому, что составлял в Костроме не за много время главный притон врагов России и изменников, избивших братию в монастыре Богоявленском, к каковому притону, может быть, принадлежали кто-либо из Ипатьевского монастыря и монашествующие, ибо овладеть оным без согласия их было затруднительно, по причине укреплений.

Смерть Сусанина. Со старинной гравюры.

Но по приезде Михаила Федоровича в Домнино, уведомился он, как есть предание издревле, что по несогласию послов на подданство России королю Сигизмунду, поляки и литовцы с наемниками их, разными партиями разоряют российские города и селения и что несколько, отделившись из отряда гетмана литовского Хоткевича, ограбившего и выжжевшего с избиением многих жителей 22 сентября 1613 года город Вологду, по большой оттуда дороге в Кострому, бывшей тогда через Домнинскую вотчину, пробираются к селу Домнину, с намерением захватить его там и отослать в Польшу или убить; имевшие от российских изменников сведения о расположении к нему народа на избрание в государя.

Увидев этот умысел злодеев, Михаил Федорович, предохраняя себя от плена или смерти, решился из Домнина укрыться и одиноко ночью ушел по дороге к деревне его Перевозу, но не входя в оную сажень за двести, направился глубоким и лесистым оврагом, по протекающей небольшой речке Корбе к ее верховью, не заметив от страха, что пошел к той стороне, которая от большой вологодской дороги не

отдаляет, а приближает, и что той же ночью выпал небольшой снег, на коем следы его заметны, и что выход его из Домнина к Перевозу многие видели.

Таким образом, продолжая путь свой по Корбе, огибающей Домнино и с северо-востока на полдень полукругом верст около десяти, пришел к деревне своей Деревеница, называемой ныне Деревеньки, строенной между вологодской дорогой и селом Домнино в расстоянии не далее двух верст с половиною прямого пути, составлявшей только один дом крестьянина его Ивана Сусанина вдового, где он жил с дочерью Стефанидой, но она в деревне тогда не находилась и была на работе, в оном же оставался один отец ее Сусанин, куда Михаил Федорович, пришедший утром, просил укрыть его от поляков и литовцев, на что Сусанин с радостью согласился сохранить его в ямнике сгоревшего у него накануне овина.

А как многие голозны в ямнике курились и тлели, то Сусанин, разобрав оный, сделал углубление и посадил туда своего господина, положив ему несколько хлеба, соли и квасу, а сверху накрыл войлоками, обложил куря-

щимися и тлеющими головнями, потому же принялся на гуменике в деревне по-прежнему за работу, куда того же дня и вскоре наехали из Домнина по следу поляки и литовцы, не отыскавши Михайла в его домнинском доме и услышав от жителей, что ушел к деревне Перевозу, пустились за ним в погоню, имевши при себе даже собак, а в Домнине — остаться не смели, дабы не окружили их крестьяне той вотчины, более четырехсот человек мужского пола, и других близких к Домнину селений по реке Шаче расположенных, принадлежащих боярам Михайлу и Петру Михайловичам Салтыковым, не менее двух тысяч вотчины села Молвитино, ибо в то время за освобождением Москвы от поляков и Литвы для истребления их партий по России в разных местах многие селения собирались в отряды и вооружались, поручая начальство над собою даже крестьянам.

Но злыдни оные, приблизившись в деревню Деревеница, увидели на работе одного только Сусанина и допрашивали его под жестокими пытками о Михайле Федоровиче, куда укрылся, ибо следы его в той деревне пропали, но

Сусанин отрекался с твердостью, что он в деревню к нему не приходил, по-сему намучивши Сусанина, разрубили на месте и из деревни выехали на большую вологодскую дорогу, предполагая, что Михаил Федорович выехал к своим прежним знакомым через Вологду на Белое озеро, а собаки, при отряде злодеев бывшие, побегав около сгоревшего овина, в ямки спуститься не смели за потерю обоняния от дыма тлевших и курившихся там головень.

Бывшая же на работе вне деревни своей в отдалении дочь Сусанина Стефанида набег туда поляков и литовцев видела, но явиться в нее не посмела и, ночевавши в ближайших кустарниках, пришла на другой уже день с собравшимися вооруженными крестьянами из деревень и оплакивала своего изрубленного отца, каковой плач и крики народа, проклинавшего жестокость злодеев, Михаил Федорович услышав в ямнике, подал о себе голос.

Почему крестьяне, раскидав его убежище, с многолюдством проводили к матери Марфе Ивановне на Кострому, а там он поместил себя в мужском Ипатьевском монастыре, огражденном каменной стеною с башнями и стрельницами, на прожитательство в

безопасности, которые остаются целостно и доселе с их железными воротами, а в Богоявленском монастыре, тоже окруженном толстыми каменными стенами и башнями со стрельницами и железными воротами, остаться не рассудил по причине недавнего избения в нем братьев.

Но событие оное ясно открывает десницу Божию на спасение от плена или смерти определенного отрока к управлению России и избавлению от бедствий, ибо он сверх чаяния без всякого искательства и заочно, будучи от роду только 16 лет, февраля 3 и 21 числа 1613 года на всенародном совете, бывшем в Москве, единогласно выбран царем России помимо потомков св. князя Владимира Равноапостольного».

По многим признакам составителем настоящей рукописи следует признать родного брата известного протоиерея Алексея Даниловича Домнинского — титулярного советника Ивана Даниловича Иорданского, о котором известно, что он вышел из духовного звания, служил в Петербурге, был попечителем Домнинского прихода и был в переписке с издателями журналов. И действительно, составитель рукописи, печалуясь о том, что Домнинский приход распоряжением властей Новоспасского в Москве монастыря был

значительно уменьшен путем выделения из него прихода Хрипелевского, — членов старинного причта села Домнина называет своими предками. Предками они были и отцу притоерею Алексею Даниловичу Домнинскому, но нам известно, что последний оставил записи с изложением в них совершенно иного предания, которое и перешло в печать. К этому предположению мы тем более склоняемся, что в переданных в Романовский отдел затем отца Алексея Домнинского отцом Иоанном Бобровским бумаги, принадлежавших его тестю, имеются черновые записки Ивана Даниловича Иорданского тождественного содержания с настоящей рукописью, причем одна из черновых записок этих в конце перечня источников, на которых основано все изложение, имеется карандашная приписка следующего содержания: «составлена титулярным советником Иваном Даниловичем Иорданским». Наконец известно, что другие современные члены семьи протоиерея Алексея Домнинского по своему положению и образованию не могли изготовлять исторических сочинений для периодической печати.

«Костромские губернские ведомости». 1900. — № 95. — 13 дек. — С. 3—4.

Троицкий собор Ипатьевского монастыря. Фото И. Ф. Барщевского. 1890-е годы.

ПАМЯТНИК, КОТОРЫЙ БЫЛ

«Историческая заметка о памятнике царю Михаилу Федоровичу и поселянину Ивану Сусанину».

Николай КОРОБИЦИН,
член Костромской губернской
ученой архивной комиссии.

Николай Иванович Коробичин был преподавателем истории и географии в обеих костромских гимназиях: мужской и женской Григоровской. Он родился в 1849 году, происходил из обер-офицерских детей. Закончил курс Казанского университета по историко-филологическому факультету, после чего преподавал в средних учебных заведениях Нижнего Новгорода и Жиздры. В 1882 году переехал на жительство в Кострому.

В КРОМНАЯ, в ряду растущих городов средней России, Кострома имеет право гордиться памятниками, вызывающими исторические патристические воспоминания и представляющими прекрасный пейзаж. Обратите внимание на Сусанинскую площадь или побойтесь (...) на прелестную панораму Ипатьевского монастыря (...). Сусанинская площадь может дать проезжающему по Волге путнику очень приятное впечатление.

Представьте довольно обширную площадь, очень правильно распланированную, она пристала бы ко многим даже и большим городам, она окаймлена внушительными, совершенно правильно расположенными зданиями гостинного ряда, покрываемыми пятиглавым куполом и шпцем гостинодворской церкви, тут же, не вдалеке, видится грациозная колокольня (...) Успенского Собора, с другой стороны открывается панорама на (...) оригинальную группу Богоявленского и Анастасьинского монастырей, а против гостинной линии другой, не менее внушительный по размерам, корпус мучной и льняной линии, и здесь, придавая площади еще более красивого разнообразия, возвышается храм Святого Иоанна Предтечи и часовня в память царя-освободителя, наконец, невольно глаз зрителя останавливается на расходящихся от площади радиусами скромных улиц города, над массой домов которых сияют кресты церквей (...). И среди такой обстановки красуется скромный, но очень оригинальный, по изящной простоте вполне соответствующий тихому губернскому городу монумент в воспоминание одного из ярких и симпатичных эпизодов в истории отечества и Костромы (...), — это памятник царю Михаилу Федоровичу и поселянину Сусанину.

Памятник очень хорош в ансамбле, на первый взгляд он может показаться скромным. Но это и составляет его главное достоинство, он много выигрывает в перспективе, он почти величествен, если наблюдать его при подъеме с арки приречной или береговой заставы (...) и с довольно удаленных от площади пунктов скромных улиц города, выходящих радиусами к площади. Видно, что проектировавший монумент был истинным художником: он внимательно изучил обстановку, имеющую очень важное значение в художественном отношении, он не последовал советам некоторых, желавших воздвижения более высокой колонны, по-видимому, более соответствующей важности события и идее последнего, художник изящно соблюдал закон гармонии, так необходимой во всяком художественном произведе-

нии (...).

Мысль о сооружении исторического памятника в Костроме возникла после знаменитого в летописях Русской истории путешествия императора Николая Павловича по России в 1833—1834 годах. (...) Государь посетил почти все местности России, ознаменованные великими событиями в ее исторической жизни. И Смоленск, и Красный, и Малоярославец, и Тарутино, и Куликово поле, и Кострому, и Нижний Новгород, и Казань. И почти во всех этих городах воздвигнуты памятники, вызывающие у нас, современников, живые воспоминания великих явлений нашей исторической жизни (...).

Посетив в это знаменитое свое путешествие и Кострому и Ипатьевский монастырь, эту колыбель династии,

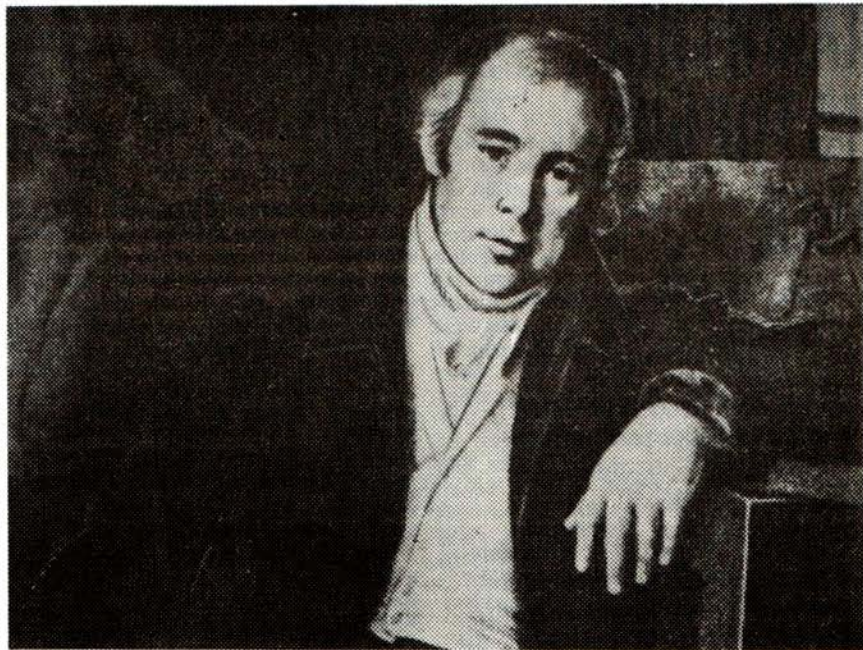
государь еще в более значительной, вероятно, степени переживал исторические воспоминания, связанные и с Костромой и с краем (...), и выразил желание увековечить знаменитую эпоху монументом. Он, следовательно, дал мысль костромскому дворянству о сооружении памятника в Костроме царю Михаилу Федоровичу и крестьянину Сусанину (...).

Создатель памятника в Костроме В. И. Демут-Малиновский, составивший проект нашего памятника, занимает почетное место между современными ему художниками (...). Очень известны его: статуя святого апостола Андрея в Казанском соборе в Петербурге, Русский Сцевола в Академии художеств, портретные бюсты и т. д.

Проект памятника костромичами сначала был задуман очень широко.

Это объясняется (...) вниманием, оказанным государем потомкам Сусанина, и его неперемным, живым желанием реставрировать исторические, обветшалые от времени строения Ипатьевской обители, представляющей само по себе целый или полный исторический монумент. Предполагалось именно среди самого монастыря воздвигнуть какой-то величественный монумент. Но в июне 1835 года последовало, как замечает в рукописи, в конце печатных приложений, с целью исправить некоторые неточности и неверные сведения известной книги «Взгляд на историю Костромы князя Александра Козловского»² один из губернаторов нашего города, как видно, собравший материалы для истории местного края, «соизволение Государя императора (...) на сооружение памятника Сусанину, — только Государю Императору угодно было, чтобы памятник был поставлен не в Ипатьевском монастыре, а на городской Екатеринославской площади, почему и самую площадь повелено было именовать с того времени Сусанинскою».

«О пламенном усердии дворян Костромской губернии, — продолжает начальник губернии в своих рукописных примечаниях в книге кн. Козловского, — устроить в Ипатьевском монастыре памятник родоначальнику августейшего Дома Романовых царю Михаилу Федоровичу представлено было губернским предводителем генерал-адъютанту графу Бенкендорфу для доклада Государю Императору, на что последовал следующий отзыв государя: «Когда будут собраны деньги и составлен план памятнику, тогда представить на мое утверждение». А в 1838 году получено было Высочайшее повеление соединить суммы, собираемые для памятников царю Михаилу Федоровичу, согласно изъясленному в 1834 г. желанию дворянства Костромской губернии, и поселянину Сусанину, по представлению

В. И. Демут-Малиновский, скульптор, автор памятника Сусанину в Костроме.

действительного статского советника Приклонского, употребить для сооружения одного памятника по рисунку, составленному в Академии художеств, на назначенной по представлению губернатора Приклонского площади»² (...).

Приклонский представил проект сооружения памятнику Сусанину³. «На это представление Государь изволил отозваться, что нет никакого препятствия воздвигнуть памятник Сусанину, если изберется оному приличное место. Приклонский донес, что место избрано на главной площади, представил план и ситуацию местности и просил Высочайшее утверждение о наименовании этой площади Сусанинскою, на что и последовало вскоре Высочайшее разрешение. По распоряжению Приклонского на этом месте, где предполагалось устроить памятник Сусанину, поставлен был столб с четырьмя фонарями для освещения площади, но без всякой надписи» (...).

Этими рукописными, очень важными и интересными заметками для истории сооружения памятника в Костроме и пребывания Императора Николая Павловича в Костроме я обязан Владимиру Павловичу Смольянинову,

сообщившему экземпляр упомянутого уже «Взгляда на историю Костромы князя Козловского» и такими любезными рукописными заметками губернатора-историка (...).

Памятник царю Михаилу Федоровичу и поселянину Сусанину представляет колонну смешанного стиля полудорического и отчасти флорентийского (эпохи Возрождения), с капителью и цоколем, свойственным этим стилям, над капителью высится грудной бюст царя Михаила Федоровича в шапке Мономаха и в бармах⁴, золоченый крест на груди бюста ярко выделяется на его фоне, на лицевой средней части колонны герб Костромы: щит, разделенный на четыре части, в первой из них золотой крест, а в четвертой — серебряный полумесяц, обращенный вниз, и скрещенные сабли вниз⁵; колонна покоится на довольно массивном, сравнительно с нею, пьедестале, представляющем почти параллелепипед, у цоколя колонны колесопреклощенная, выразительно вылитая статуя Сусанина в крестьянском костюме; лицо и поза фигуры дышат выражением молитвы и самопожертвования. Один только барельеф украшает медальон пьедестала с лицевой стороны памятника. Это хорошо изве-

стная сцена из «Жизни за царя» — смерть Сусанина; на обратной стороне пьедестала высечена позолоченная надпись «За Веру, Царя и Отечество живот свой положившему поселянину Ивану Сусанину благодарная Россия», на правом медальоне «1851». Наконец, монумент, плотно к постаменту и двумя уступами, окаймлен фигурной, вылитой и бронзированной решеткой, орнаментированной государственными гербами и древнерусскими бердышами, и четыре сравнительно грациозных чугунных фонарных столба у краев решетки дополняют ансамбль монумента.

Изложив начало строения нашего знаменитого памятника, в заключение долгом считаю остановиться на торжестве открытия и освящения монумента 14 марта 1851 года.

Благодаря просвещенной любезности губернского предводителя дворянства Авдия Ивановича Шипова и содействия секретаря его В. Н. Кордобовского представилась возможность подробно рассмотреть хранящееся в архиве канцелярии депутатского собрания «Дело по отношению г. начальника губернии об открытии памятника, воздвигнутого в Костроме царю Михаилу Федоровичу и поселянину Сусанину. Началось 22 февраля 1851 г. Кончилось 30 марта 1851 года».

Дело состоит из 36 листов. Открывается оно отношением военного губернатора генерал-майора Ивана Васильевича Каменского губернскому предводителю дворянства Федору Федоровичу Чагину, что «по всеподданнейшему г. министра внутренних дел

докладу Государь Император Высочайше повелеть соизволил открыть памятник 14 марта 1851 года». (...)

Дело заканчивается донесением губернского предводителя г. министру внутренних дел о ходе открытия памятника со времени первого отношения начальника губернии, о действиях дворянского собрания с указанием на то, что «по единогласному постановлению дворянства все издержки, как-то: на наем квартир на случай приезда в Кострому из других губерний предводителей и местных уездных и потомков Сусанина, коробовских белопащцев (...), крестьян села Домни-на, угощение их и подарки, иллюминацию дворянского дома, выписку из Ярославля 3-го резервного пехотного полка, полного хора музыки, а также угощение духовенства, штаб и оберофицеров и почетных купцов, дворянство приняло на свой счет». Потом следует изложение церемониала открытия памятника. Литургию совершал преосвященный Леонид, причем по окончании оной соборным протоиереем произнесено было приличное торжеству слово, затем подняты были чудотворные иконы Федоровской Божьей Матери и принесенная из Ипатьевского монастыря Тихвинская Божья Матерь, те самые иконы, которые при увещании царя Михаила Федоровича на царство принесены были в Ипатьевский монастырь. «Начался из Кафедрального собора крестный ход к памятнику, по снятии покрыва с него и отдании ему чести войсками и народом, совершено было молебствие с водосвятием, паки чего произведены были освящение памятника окроплением его святою водою, преосвящен-

ным же Леонидом произнесена была речь». (...)

После обеда, на память сего торжества, розданы были от имени Костромского дворянства всем потомкам Сусанина бархатные шапки, опушенные мехом, с серебряным позументом, на котором вышито было «14 марта 1851 г.». Всем нижним чинам, находившимся в строю, роздано было по фунту рыбы и по две чарки вина на человека. (...) «Вечером были иллюминаваны: памятник от Костромского городского общества, дворянский дом от дворянства и город от жителей оного. В течение целого дня во всех церквях происходил колокольный звон». (...)

Вот выдающиеся и наиболее интересные извлечения из важного для местного края документа, каким представляется рассмотренное дело; оно переносит нас из 42-го года назад и может дать нашему воображению яркую и живую картину знаменитого события в нашем городе, имеющего значение и для всей России.

14 марта 1893 года.
Публикуется в сокращении.
ГАКО, ф. 179, оп. 2, д. 68, л. 43—51 об.

Примечания

1. А. Козловский «Взгляд на историю Костромы» — Москва, 1840, 205 стр.
2. Приклонский — костромской губернский (1833—1838 гг.).
3. В 1835 г.
4. Бармы, оплечья — принадлежность и украшениям княжеского или царского наряда, представляли собой металлические (золото, серебро) или матерчатые оплечья с изображениями святых, украшенные самоцветами и жемчугом.
5. Этот герб Кострома имела с 1834 по 1878 гг.

Барельеф «Смерть Сусанина».

„...НА СВЕТ ЛИЦОМ К ЛИЦУ“

«Сокровища большой редкости и цены, очень долгое время находившиеся в ризнице Троицкого собора в монастыре, как под спудом, теперь, благодаря торжествам трехсотлетия, вынесены на свет лицом к лицу».

Поволжский вестник. — 1913. — № 2052.

Портрет Марфы Ивановны, матери царя Михаила Федоровича.

3 июня 1912 года в актовом зале епархиального женского училища (ул. Дзержинского, 15) при многочисленном собрании преподавателей духовно-учебных заведений, городских и сельских священников, чиновничества и других приглашенных лиц состоялось торжественное открытие Костромского Церковно-Исторического Общества.

Интерес, возникший в начале XX века в русском обществе к церковным древностям, вызвал рождение во многих городах общественно-научных учреждений, которые поставили своей целью изучение, собирание и охрану памятников местной церковной древности и истории. Их деятельность — драгоценный опыт. Он вызывает особый интерес именно сегодня, когда полемика по поводу возвращения церковных ценностей и споры о том, кто лучше сохранит древние святыни — церковь? музей? — достигли наибольшей остроты.

Человек, фактически создавший Костромское Церковно-Историческое Общество — Иван Васильевич Баженов, статский советник, магистр богословия. Он окончил Казанскую Духовную Академию, преподавал в Вятской духовной семинарии греческий язык и Священное писание. В 1883 году переехал в Кострому и время, свободное от преподавания в семинарии Священного писания и еврейского языка, посвятил изучению церковной истории Костромского края, написал прекрасные работы по истории многих костромских церквей и монастырей.

В конце марта 1911 года Баженов вместе с о. Павлом Алмазовым, инспектором классов епархиального жен-

ского училища, и Иваном Студитским, товарищем председателя Совета Александровского православного братства, преподавателем семинарии, составили проект вновь учреждаемого общества. Попутно заметим, что и отец Павел Алмазов, и Иван Студитский были прекрасными знатоками костромских церковных древностей, авторами ряда работ.

Согласно Уставу, в круг деятельности общества входило: «а) приведение в известность и описывание архивов церквей, монастырей и других епархиальных учреждений; б) изучение местных религиозных обычаев, преданий, церковных обрядов; в) исследование и изучение общественных памятников церковной старины (...); д) распространение в обществе, и по преимуществу среди духовенства, церковных историко-археологических сведений, устройство церковно-археологических выставок и публичных чтений (...)*¹.

Попечителем общества стал Высокопреосвященнейший Тихон, архиепископ Костромской и Галичский. Председателем избрали И. В. Баженова.

Пользуясь современной терминологией, можно сказать, что это было общество охраны церковных памятников. Без его разрешения настоятели церквей и монастырей епархии не имели права выдавать никаким собирателям древностей старинные церковные принадлежности — утварь, антиминсы, облачения, церковно-богослужебные книги и рукописи.

В самом обществе хранились списки с подробным описанием предметов старины во всех без исключения церквях Костромской епархии. Согласно этому списку в самом начале деятельности общества по распоряжению архиепископа Тихона с разрешения Святейшего Синода причты церквей и настоятели монастырей представили в Совет общества отобранные им предметы древности. Они положили начало обширному древнехранилищу и устройству церковно-археологического музея в Ипатьевском монастыре.

Имея действительных членов во всех городах Костромской губернии, общество имело возможность следить за ремонтом и реставрацией древних храмов.

Весной 1913 года причт Воскресенской церкви г. Солигалича просил общество «о разрешении им на средства П. Д. и других благотворителей привести в благоустроенный вид гробницы некоторых издавна погребенных в Воскресенском храме и чтимых иноков, для чего украсить гробницы решетками и поместить над ними мраморные доски с приличными надписями (...)*².

Непременный член общества, смот-

ритель Солигаличского духовного училища о. Петр Перебаскин тщательно осмотрел гробницы, описал их вид и состояние.³ Получив подробные сведения о состоянии гробниц, Совет общества решил, что «со строго археологической точки зрения на дело» перелетки и частные добавления «совершенно искажают прежнее состояние гробниц», и поэтому высказался за оставление их в прежнем виде.

Под таким же контролем проходил и ремонт церкви в с. Красном, и ремонт древнего деревянного храма в с. Фоминоком.

По просьбам священников Костромы осматривались предназначенные к реставрации иконы, причем особую заботу вызывали местничимые иконы. Весной и летом 1914 года И. Баженов, отец ректор семинарии В. Чекан, священник М. Раевский несколько раз осматривали Спасо-Запрудненскую церковь Костромы, в которой имелся древний местничимый Нерукотворный Образ Спасителя.

И хотя в Костроме были прекрасные мастера по реставрации икон, решили для верности пригласить специалистов из Москвы и Петрограда. Совет общества решил также, что «соответственно высокому местному почитанию этого весьма древнего Нерукотворного Образа Спасителя должна быть особая и сама обстановка при реставрации, а именно: членами высказано пожелание, чтобы работа по реставрации иконы производилась в самом храме (...), для реставрации должен быть поставлен мастер доброго настроения; чтобы во время производства работ совершаемы были причтом хотя бы однажды в день молебен или чтение акафиста Спасителю (...)⁴.

Подобным образом были изучены и описаны многие церкви Костромы: Спасская в Гостином дворе, Крестовоздвиженская, Спасо-Запрудненская, Троицкий собор Ипатьевского монастыря и другие. Остается лишь сожалеть, что архив общества не сохранился.

Достояние общества увеличивалось, пополнялось дарами костромичей. Первыми жертвователями были архиепископ Тихон и начальница епархиального женского училища Любовь Ивановна Поспелова. Архиепископ Тихон, кроме лично принадлежащих ему старинных печатных книг и икон, передал с разрешения Святейшего Синода богатую коллекцию предметов церковной древности из ризницы Ипатьевского монастыря, которые по преимуществу и были выставлены в музее, устроенном обществом.

Необходимость устройства церковно-археологического музея при обществе в Палатах царя Михаила Федоровича Романова в Ипатьевском монастыре была для всех очевидна, потому что близились юбилейные торже-

Михаил Федорович Романов.

ства трехсотлетия царствования Дома Романовых, начало которому было положено здесь, в Ипатьевской обители, богатой церковно-историческими памятниками того времени. Общество, естественно, взяло на себя задачу «привести в известность и выставить эти памятники для обозрения ввиду посещения Его Императорским Величеством с Августейшим семейством г. Костромы и обители, что удобнее было сделать в особом древнехранилище»⁵.

7 мая 1913 года председатель общества И. Баженов, архитектор Милеев с супругой, ризничий монастыря иеромонах Макарий и учитель епархиального женского училища Н. Малиновский начали обустроить музей.

Музей был небольшим, всего 8 комнат. Здесь разместились переданные по особой описи образа и иконы-складни (69 предметов), памятники древнерусского шитья (53 предмета), рукописи и старопечатные книги (34 предмета), церковно-служебные сосуды — литургийные и обрядовые, кресты напрестольные и не напрестольные, другая церковная утварь (2244 предмета). Одну из комнат, небольших по размеру, занимала библиотека из книг по церковной археологии местного края, истории, изданий местных типографий, трудов губернских архивных комиссий.

Древнехранилище было открыто для посещения публики во все дни недели — «летом с 12 до 5 часов пополудни, а зимою — с 12 до 3 часов пополудни». Для экскурсантов с руководителями музеев открывали и в прочие часы, если хранителям позволяли обязанности.

Многие выставленные предметы представляли безусловную ценность и относились ко времени царствования Михаила Федоровича: Владимирская икона Пресвятой Богородицы в басменном окладе с 8 дробницами, по преданию, принесенная Московским посольством 14 марта 1613 года; икона-складень Казанской Божьей Матери, по преданию, из молельной комнаты юного царя; крест запрестольный деревянный, причесенный, по преданию, в монастырь посольством; посох черный из простого дерева, высланный из Московской оружейной палаты по повелению Николая I как принадлежащий Михаилу Федоровичу; сребропозолоченный ковш с резной надписью, свидетельствующей о принадлежности его Михаилу Федоровичу; одноколка Романовых, доставленная из Макарьево-Унженского монастыря, с монограммой инокини Марфы и многое другое.

19 мая 1913 года древнехранилище осматривал император с семьей. Подробные объяснения ему давал архиепископ Тихон, а членам семейства — Иван Васильевич Баженов.

Так Кострома получила еще один прекрасный музей. Событие это для провинциальной русской культуры было значительным не только в силу того, что все желающие смогли увидеть сокровища ризницы Ипатьевского монастыря, одной из богатейших в России. Вновь созданный музей был созвучен идее музея-храма, появившейся в русском обществе в начале XX века. Прагматический взгляд на музей, как место систематизации и учета экспонатов, необходимых для образования и просвещения, уже не устраивал⁶.

Музей был устроен по принципу открытого хранения, без запасников. Все предметы богослужебного характера, иконы находились в освященной среде. Согласно Уставу общества «святы антиминсы и другие предметы, освященные употреблением при богослужениях, как-то: священные сосуды, евангелия, напрестольные кресты — должны быть хранимы под наблюдением лица в священном сане в особо устроенных для сих предметов витринах с крестами на них и соответствующими надписями»⁷.

За время своего недолгого существования — в 1918 году общество вошло на правах секции в Костромское научное общество по изучению местного края — оно успело издать под-

робные отчеты о деятельности, Каталог музея и «Юбилейный сборник», посвященный трехсотлетию Дома Романовых. Один экземпляр сборника в изящном кожаном бордового цвета переплете был преподнесен императору.

Сборник вызвал живейший интерес. Его экземпляры были посланы в Духовную Академию, Академию Наук, Святейший Синод, различные ученые и археологические учреждения, многим высокопоставленным частным лицам.

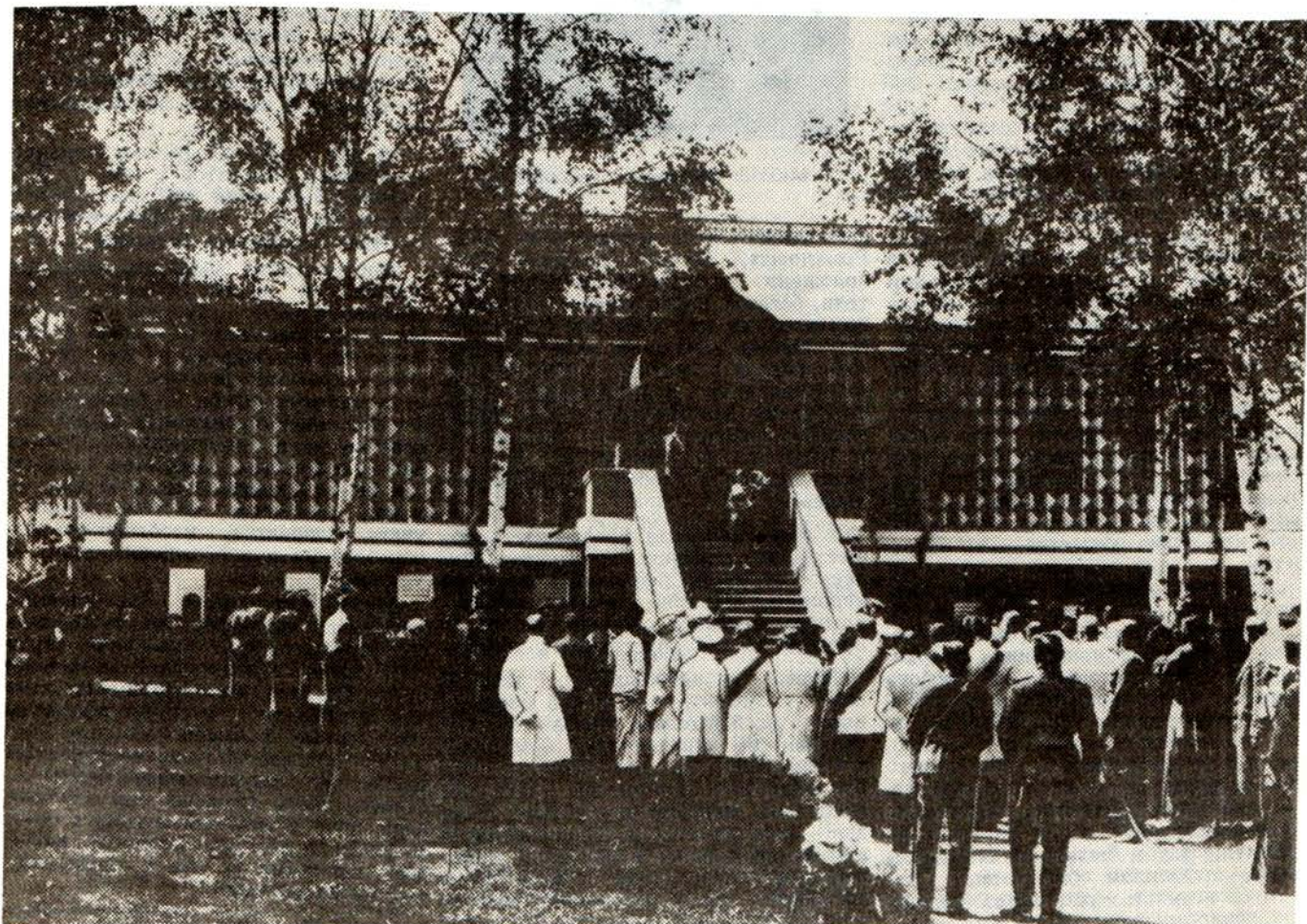
В состав сборника вошли четыре статьи Ивана Васильевича Баженова о пребывании Михаила Федоровича Романова в Ипатьевском монастыре,

о его призвании на царский престол, о вкладах Романовых в церкви и монастыри Костромской епархии, об одноколке Романовых, долгое время хранившейся в Троицком приделе Макарьево-Унженского монастыря. Две статьи священника, законоучителя Михаила Раевского были посвящены избранию на царство юного Михаила Романова и его пребыванию в Макарьево-Унженском монастыре. В конце сборника были приложены Стихиры Пятидесятницы из старинных нотных рукописей Костромского архиерейского хора, составленные дьяком Василием Титовым, одним из талантливых композиторов XVII века.

Татьяна ВОЙТЮК.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Устав Костромского Церковно-Исторического Общества. — Кострома. — 1912. — С. 3.
2. Отчет о состоянии и деятельности Костромского Церковно-Исторического Общества за время его открытия 3 июня 1912 года до 1 января 1914 года. — Кострома. — С. 21.
3. Священник Петр Перебаскин был расстрелян в г. Солигаличе в 1918 году по обвинению в контрреволюции.
4. Отчет о состоянии и деятельности Костромского Церковно-Исторического Общества за 1914 год. — Кострома. — С. 9.
5. Отчет о состоянии и деятельности общества за 1912—1914 гг. — С. 26.
6. См: Каулен М. Е. Идея музеев-храмов в русской культуре 1-й четверти XX века. //Русская провинция и мировая культура. Тезисы докладов научной конференции. — Ярославль. — 1993. — С. 64—65.
7. Устав, С. 9.

Государь Император выходит из Палат Михаила Федоровича Романова в Ипатьевском монастыре.

Фото К. К. Буллы.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ДЕЯТЕЛИ КОСТРОМСКОЙ ЗЕМЛИ И КУЛЬТ БОГОРОДИЧНЫХ ИКОН

Редкая икона находится в составе иконостаса Никольской церкви г. Нерехты. Редкость ее не в древности письма, искусности художества, редкость в иконографическом составе изображенных святых. Из 20 почитаемых костромских святых здесь изображены девять¹. Композиция традиционна для икон с изображением избранных святых. Два ряда преподобных: пять в первом ряду и четыре в верхнем, точно по центру сверху в сиянии, отделенный от мира земного венчиком облаков. Спас. Все персонажи торжественно-спокойны, движение почти отсутствует. Взоры всех святых обращены к Макарию, он единственный благословляет, в свою очередь принимая благословение Спаса. Надпись на развернутом свитке «Не скорбите убо братие моя и не, унывайте...» обращена к присутствующим и молящимся как наставление. Так же звучат слова Евангелия в руках Спаса «Вся мне предана суть отцем моим и никто не знает сына токомо отец и ни отца кто знает».

Култ Макария в Костромской губернии был исключительно высок. Ему приписывалось заступничество от врагов, спасение от вражеского плена. Исследуемая икона происходит из солигаличской округи², где в благодарность за заступничество святого от нападения в 1532 году на город «неверных агарян» (казанских татар) был основан Успенский монастырь³. С той поры для Солигалича это особо почитаемый святой. К Макарию обращались с молитвой в Смутное время, когда польские и литовские люди «яко волци тяжци» наполняли всю среднюю Русь, «учиня прабежи, пожары, убийства». По преданию, жители Суздали и волжских городов, Юрьевца, Нижнего Новгорода, испытывали чудодейственную помощь Макария. Даже спасение от польского плена митрополита Филарета и свое собственное царь Михаил Федорович приписывал чудесной помощи Макария⁴.

Выходец из Нижнего Новгорода, Макарий был постриженником Печерского монастыря, первую свою обитель самостоятельно основал на костромской земле на реке Лух в Рыболовской Луке (с. Богоявленское), однако за недостатками братии монастырь вскоре прекратил существование. В память об основателе обители в 1841 году местные жители построили каменный Богоявленский храм с приделом преподобного Макария. В двух верстах от Богоявленского была Болдырева пустынь⁵, некоторые свидетельства указывают на нее как место обители Макария.

С памятью Макария связана основанная на берегу реки Волги в 26 верстах от Кинешмы еще одна пустынь. Она была возобновлена в XVII веке жителями слободы Решма, в

воспоминание о чудесной помощи Макария «при поражении близ Решмы поляков, что в Смутное время грабили костромскую сторону»⁶.

Из костромских пределов Макарий ушел к Свяжску на озеро Желтые воды, где основал монастырь, принесший ему широкую известность. Но после разорения желтоводской обители татарами и по выходе из плена Макарий вновь вернулся в костромские леса и уже близ города Унжа основал новую обитель. 17 сентября 1442 года было ему чудесное явление иконы Богоматери, что послужило к утверждению его в мысли основать на этом месте монастырь. Явленная икона получила название Макарьевской. По иконографии относится к типу Одигитрии. По преданию, на Унжу Макарий принес с собой образ Богоматери Тихвинской⁷. Икона особо почиталась в округе, ей был посвящен главный престол в Тихвинском соборе Макарьева монастыря.

В Солигаличском соборе Рождества Богородицы, построенном царицей Марией Милославской (землячка солигаличан), есть придел Авраамия Городецкого. На иконе Авраамий изображен стоящим по правую руку от Макария. В отличие от остальных преподобных, державших свернутые свитки, у Авраамия в руках образ Богоматери, явленная икона⁸, что, по преданию, предстала перед ним на дереве, в местечке у Галичского озера. Облик Авраамия наиболее индивидуален, своеобразие придает борода, разделенная на длинные волнистые пряди, вероятно, портретная черта. Авраамий был постриженником Сергия Радонежского, прошел суровую школу труда, постов и молитв, от него же получил священный сан. После нескольких лет безмолвия решил посвятить себя молчаливничеству вне обители, в совершенном уединении. Сергий благословил его, но заповедал «приходящих к нему наставлять ко спасению и не себе угождать, а ближнему» и чтобы «немощи немощных носил»⁹.

Авраамий удалился в галичскую сторону, где жители окрестных деревень недавно обращены были в христианскую веру и еще крепко держались языческих верований, обрядов. На месте своего нового поселения, житие Авраамия так рассказывает о явлении ему иконы: «Он молился под горою и услышал голос: «Авраамий взойди на гору, там стоит икона Божией матери». Увидел икону в необыкновенном сиянии. Построил для нее небольшую церковь и келью для себя. На этом месте на средства жителей Галича позднее была устроена обитель — Новоозерский Авраамиев монастырь. Боль-

шой храм выстроили и освятили в честь Успения Богородицы¹⁰.

После устройства здесь обители Авраамий вновь удалился в новую пустынь за 30 верст, поставил там церковь Положения ризы Богоматери (Великая Авраамиева пустынь)¹¹.

Затем вновь отошел на реку Вигу в пустынное место, поставил храм Собора Богородицы (Обитель стала называться Верхней пустынью)¹².

И последняя его обитель была на берегу Чудского (Чухломского) озера возле Чудского городка. Авраамий с учениками поставил храм Покрова Богородицы. (Чухломской Авраамиев Городецкой монастырь¹³ по названию Чудского городка, стоявшего на месте Чухломы).

Чухломская сторона в ту пору жила «по-чудски», и Авраамий обратил их в христианскую веру, потому считают его здесь своим апостолом, просветителем. При раке святого хранились его вериги и список с чудотворной иконы Богоматери Умиление. Если проследить, в чью же честь освящались построенные в обителях Авраамия храмы, то откровенно, что он верно служил Богоматери, прославляя ее Успение, Положение ризы, Собор и Покров Богородицы.

В центральную группу входит преподобный Тихон Луховский (справд о Макария). В миру Тимофей, он был воином на службе у литовского князя. Когда же началась активная экспансия католицизма на землях Литвы и Белоруссии, в 1482 году бежал вместе с князем Ф. И. Бельским (праздником Ольгерда) в Москву. Бельский поступил на службу к московскому князю, а Тимофей по возрасту отошел от службы, раздал свое имущество бедным, принял постриг и с именем Тихона отбыл из Москвы, чтобы основать пустынь. На реке Лух, на земле пожалованной князю Ф. И. Бельскому, в местечке Копытово⁹ основал он свою обитель, трудился до самоотречения. Сам устроил келью, пропитание себе добывал перепискою книг и токарным рукоделием, в котором был искусен. Когда появились в пустыни другие иноки, то место для обители выбрали посуше, за три версты от прежнего. Здесь общими силами возделывали землю, сами впрягаясь в соху, и Тихон был всем примером.

Тихон, по скромности жизни своей, не принял священнического сана. В 1503 году скончался в глубокой старости и в такой бедности, что не имел иной одежды, кроме повседневной. К утешению братии суздальский епископ неожиданно прислал для почившего праведника «свитку и гроб гвоздем сбит». После смерти Тихона на месте его подвигов собралось много иноков, они соорудили деревянную церковь в честь Николая Чу-

дотворца. В 1565 году при гробе Тихона начали совершаться чудеса, 26 июля мощи открыли, нашли их нетленными, и этот день с той поры стал днем памяти святого.

В Николаевском Тихоновом монастыре¹⁴ особо почиталась икона Смоленской Богоматери, ей посвящен был придел в храме. Из соседней Болдыревой пустыни (связанной памятью с Макарием) ежегодно в Лух приносили на месяц местночтимую икону Владимирской Богоматери. Обе иконы связаны с общерусским почитанием этого типа богородичных икон.

Почему центр занимают эти святые и в таком порядке? Центральное место Макария неоспоримо, по авторитету его дел, покровительству царствовавшему Дому Романовых. Авраамий, по деяниям своим, просвещению чудского племени, основанию трех обителей, заслуженно получил место по правую руку Макария. Тихон Луховский — образец строгого пустынножительства, аскезы, возможно, также в память о соседстве его пустыни с первой Макариевою обителью и то, что основанный им монастырь ко времени написания иконы в 1886 году значился в числе наиболее крупных в губернии, да и посвящен он Николае, как и церковь, для которой написана икона⁵.

И, наконец, перед гробницей Макария Унженского стояла икона, изображавшая Макария и Тихона Луховского, молящихся Троице.

Есть еще одно обстоятельство — память всех трех святых приходится на июль (Тихон — 26, Авраамий — 20, Макарий — 25). Святые верхнего ряда и центра относятся к весенне-летнему циклу, и лишь замыкающие первый ряд Ферапонт и Геннадий поминаются в зимнее время. На память св. Геннадия (23 января) поминается Собор всех костромских святых. (Даты по старому стилю).

Кострома с ее Ипатьевским монастырем, где в 1613 году проходила церемония приглашения на царство первого царя новой династии, была олицетворенной «колыбелью Дома Романовых», поэтому нельзя исключить из программы иконы связь святых с царствующей династией.

О связи их с культом преподобного Макария уже упоминалось, кстати, он был канонизирован при патриаршестве Филарета Никитича в 1619 году, а Авраамий в 1621 г. И еще напомним, что в ближней округе Луха находится село Клоны, вотчина бояр Романовых¹⁵. По преданию, в 1606 году здесь был вместе со своей теткой княгиней Черкасской Михаил Федорович. Церковь с. Клоны освящена в честь иконы Казанской Богоматери (покровительницы Романовых)¹⁶ и имеет придел иконы Владимирской Богоматери (об-

щерусской святыни) и святителя Николая. Просвещенность заказчика нашей иконы предполагает знание им всех местных святынь и памятных мест, тем более что только отметили 270-летие правления Дома Романовых.

Преподобный Геннадий Костромской в этой связи занимает особое место. Из жития известно, что будучи прозорливцем, он сумел предсказать будущее Анастасии, дочери Романа Юрьевича Захарьина, «ты ветвь прекрасная, плодovitая будешь нам царицею». Анастасия Романовна стала женой царя Ивана Васильевича. Преподобный Геннадий в 1549 году был восприемником от купели крещения ее дочери. Житие отмечает у него дар исцеления больных. Князь Борис Палецкий и епископ Вологодский и Пермский Киприан преданием дней своих обязаны были чудесному дару Геннадия.

Личность Геннадия более известна (все-таки жил уже в XVI веке). Родители его были люди богатые, родом из Могилева. Он тайно оставил их и отправился в рубище нищего в Москву, затем из поклонения святым угодникам Новгородским и на реку Свирь к Корнилию Комельскому. В вологодских лесах под началом Корнилия постигал он основы монашеского бытия и затем вместе с учителем отбыл из обители в костромские леса. На Сурском озере в болотистой измененной местности близ реки Костромы основали они новую обитель во имя Спаса Преображения.¹⁸ Меж горами находил он время для письма икон, и, как свидетельствует предание, храмы его обители были украшены иконами Геннадиева письма.

Отрывая от отдыха немногие часы, писал иконы Преподобный Пахомий Нерехтский, в ночи без сна трудился над перепиской книг Ферапонт Мнзенский, основатель Благовещенского монастыря на реке Монзе. Он пришел в Кострому из Москвы, жил там близ дома, где было пристанище Василия Блаженного, и потому называл себя «сожителем Василия Московского». В Костроме Ферапонт первоначально подвизался в Крестовоздвиженском монастыре,²⁰ его считали «примером смирения, послушания и строгого постничества». Уважение и почет костромичей со временем стали тяготить его, и Ферапонт тайно ушел на север в место при впадении реки Монзы в реку Кострому (15 км от Буя). Вблизи того места преподобный Адриан с тремя иноками пытались возродить запустелый Благовещенский монастырь. Адриан задумал перенести его на более сухое место, но объявившийся ему Ферапонт предупредил его, что место монастырю предназначено иное, на берегу р. Монзы, но узнать где, удастся лишь после исцеления двух юношей, страдающих

жестокой болезнью. Вскоре к Адриану прибыли со своими сыновьями жители Буя и Солигалича. Молитвами святого Адриана перед древней иконой Благовещения, что оставалась в запустелом монастыре, юноши были исцелены. Адриан по предсказанию Феррапонта начал строительство небольшой часовни, кельи на берегу Монзы. Буйскому жителю Феррапонт наказал передать Адриану о строительстве и освящении храма в честь Воскресения Христова и Николы Чудотворца (кстати, церковь, для которой заказана икона, Никольская и имеет придел Воскресения Христова!)

Феррапонт поселился в новой обители, но в строительстве участия не принимал, а каждый день переходил Монзу и, скрываясь в чаще, молился наедине. Крестьянка Палагея случайно вышла на него, собирая ягоды по краю оврага, и была поражена, увидев молящегося обнаженного по пояс угодника, над которым носились тучей оводы, комары, мухи, от их укусов по телу стекала кровь. В этом было подражание подвигам Макария и Василия Блаженного, ходившего нагим и босым.

Земляком солигаличан был святитель Иона²¹, и хотя сам он не представлен на нашей иконе, но известно его покровительство преподобным Гавриилу Галичскому и Иакову Железнодорожскому.

Паисий 70 лет безысходно подвизался в одной обители, это редкий случай постоянства. Хотя Паисий не являлся основателем монастыря, однако его подвиг по устройению, установлению правил жизни обители дал основание называть монастырь Паисиевым (с 1385 по 1440 год был игуменом, архимандритом).²²

Бывшая изначально Никольской, во второй половине XIV века Успенской, Паисиева обитель прославилась чудотворной иконой Богоматери — Овиновской (названа по имени боярина Иоанна Овина — строителя монастыря). Однажды, когда И. Овин шел в монастырь, чтобы окончательно решить с мастерами вопрос о местонахождении нового храма, два юноши вручили ему икону Богоматери и заповедали освятить храм в честь Успения. Установив икону в Никольской церкви, Овин поспешил со строительством нового храма. Открывшийся от иконы источник исцеления (исцелялись даже безнадежно больные), способствовал притоку паломников, упрочению благосостояния монастыря. Князь Василий Темный в борьбе с галичским князем Юрием в 1433 году победил и увез святыню в Москву, но князь Юрий, осадив Москву, возвратил в Галич чудотворный образ.

Младший сын князя Юрия Дмитрий Красный особенно почитал икону и даже приказал списать с нее спи-

Икона из иконостаса Никольской церкви г. Нерехты.

сок, обложил его дорогим окладом. Наказал Паисию после смерти отвезти его тело в Москву, а список с чудотворной доставить великому князю московскому. Паисий исполнил завещание, получил от митрополита Ионы благословение и сан архимандрита. Святой Иона сказал Паисию: «Ты истинно раб Божий и слуга Богоматери». Великий князь не решился оставить икону в Москве и повелел возвратить ее в Галич.

Митрополит Иона поставил преподобного Иакова Железнодорожского игуменом основанного им Иоаннопретеченского монастыря близ Буя.²³ К слову сказать, после разорения обители казанскими татарами в 1429 году преподобный с учениками, вернувшись из леса, вновь поднял монастырь из развалин и построил еще один храм, освятив его во имя Николы Чудотворца.

Иаков бы родом из костромских дво-

рян Аносовых. Ученик и постриженник Сергия Радонежского. Основал монастырь на правилах строжайшего общежития. Сам отличался «подвигами самоумерщвления и молитвы, чистоты души и тела, терпения и любви к Богу», носил вериги и каменный крест. Дар прозорливости помог ему предсказать рождение князя Василия в 1415 году, благополучное разрешение от бремени Софьи Витовтовны.

5 мая 1613 года, через несколько дней по восшествии на престол Михаила Федоровича были открыты мощи Иакова, как бы в знамение того, что его молитва будет споспешествовать юному государю. (Опять покровительство Дому Романовых).

Святителю Алексею²⁴ обязан своим посвящением в сан Пахомий Нерехтский. Сын священника из г. Владимира, 12 лет после смерти отца ушел в Рождественский монастырь, в 20 лет был пострижен с именем Пахомия.

Много лет исполнял послушание в монастырской пекарне и лишь затем владимирским епископом Алексием (будущим святителем) был посвящен в 1352 г. в сан иеродьякона. Через 12 лет митрополит Алексей решил возобновить во Владимире монастырь Константина и Елены, а игуменом новой обители поставил Пахомия. Выполнив волю святителя, устроив все монастырское хозяйство, Пахомий ушел в пустынь. Нашел новое место для обители вблизи г. Нерехты, местечко Сыпаново. И вновь встретился со своим покровителем в Москве, куда ходил за разрешением на строительство храма. К закладке храма он написал образ Троицы, по окончании строительства украсил церковь иконами своего письма. Дар иконописания очень высоко ценился и вместе со строгой постнической жизнью, полной трудов и заботы о братии, приходивших к нему людям, давал особый авторитет и веру в чудодейственную силу святого.²⁵

Преподобный Варнава Ветлужский (окончался в 1492 году) еще один из пустыножителей заволжских лесов. Родом он из Великого Устюга, удалился на Ветлугу, поселился на горе Красной и основал в 1464 году Троицкую пустынь.²⁶ Прожил там 28 лет, являясь подвижником благочестия, строгой аскезы, умерщвления плоти — питался лишь растительными дарами леса, желудями, побегами дубов и пр. После его кончины обитель стали называть Варнавиной пустыней. Чудеса у мощей Варнавы открылись в 1639 году.

Чудотворной иконе Богоматери Корсунской посвящен в Троицком соборе придел, рядом с приделом Варнавы.²⁷

Анализируя жития изображенных на иконе святых основателей местных монастырей, отмечаешь одну из особенностей — почти всех их сопровождает чудотворная икона Богоматери как символ покровительства ее земле русской.

Вновь открытый памятник русской темперной живописи конца XIX века позволил прикоснуться к древнейшим пластам местной истории, времени освоения славянами заволжских просторов, христианизации местных племен, миссионерской деятельности основателей монастырей.

Изображенные на иконе подвижники — подлинны, не легендарные персонажи нашей истории, и хотя их облик достаточно условен (портретных изображений неизвестно, по преданию, лишь ученик Пахомия Нерехтского Ирнарх написал образ преподобного вокоре после его смерти), определено, свет их дел дошел до наших дней.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Макарий Унженский (ум. 1944 г.), Авраамий Городецкий (ум. 1375 г.), Тихон Лухский (ум. 1503 г.), Геннадий Костромской (ум. 1564 г.), Ферапонт Монзенский (ум. 1591 г.), Пахомий Нерехтский (ум. 1384 г.), Ианов Железноборовский (ум. 1451 г.), Варнава Ветлужский (ум. 1492 г.), Паисий Галичский (ум. 1460 г.).
2. Николаевская церковь с. Верховье Солигаличского района.
3. В Старособорной Успенской церкви был придел Макария Унженского, где находился особо почитаемый резной образ преподобного Макария.
4. Баженков И. В. Краткие статистические сведения о приходских церквях Костромской епархии. Кострома — 1911 — С. 300.
5. Михаил Федорович в 1612 году был в Макарьевской обители и в 1619 году посетил ее вновь.
6. Баженков И. В. С. 228, 261.
7. Самарянов В. А. Памятная книга для Костромской епархии. Кострома. 1868.
8. Житие и чудеса преп. Макария Унженского. 1860.
9. Тихвинская икона Богоматери (русский тип Одигитрии), древнейшая икона этого типа относится к 1383 году, и культ ее получил особое распространение в северных и связанных с Новгородом провинциях. Для нашего исследования важно отметить, что до ремонтных работ и замены многих икон в 1886 году, в южной иконостасе на месте исследуемой иконы стояла икона Богоматери Тихвинской с чудесами образа.
10. Херсонский Н. Летопись Макарьевско-Унженского монастыря. Вып. 1—2, Кострома. 1888, 1889.
11. Описание Макарьева Унженского монастыря. Москва. 1835.
12. Церкви Костромской епархии. СПб. 1909.
13. Икона Чухломской Богоматери относится к типу «Умиление». Список с явленной иконы находился при раке преп. Авраамия.
14. Святые угодники божии и подвижники костромские, их жизнь, подвиги, кончина и чудеса. Кострома. 1879.
15. Монастырь упразднен в 1764 г. Каменный храм построен в 1764 г.
16. Село Великая Пустынь. На месте упраздненной обители в 1815 году выстроена каменная Ильинская церковь.
17. Село Верхняя пустынь. Церковь каменная с приделом Авраамия.

13. Исторические сведения о Городецком монастыре. М., 1849. Прилуцкий Д. Ф. Историческое описание Городецко-го Авраамиева монастыря. СПб. 1861.

14. Ильинский П. Луховская Тихонова пустынь. Кострома. 1898. Описание Николаевского Луховского монастыря. М. 1836.

15. Баженков И. В. С. 245—246.

16. Явление иконы Богоматери Казанской было в 1579 году. Особое почитание образа относится к началу XVII вена, когда освобождение Москвы 22 октября 1612 года от польско-литовских захватчиков было приписано чудесному заступничеству иконы, принесенной из Казани с ополчением Дмитрия Пожарского. «Заступничество» этого образа открыло путь к престолу новой династии Романовых.

17. Анастасия Романовна Захарьина (умерла в 1560 г.), жена царя Ивана IV. С нее началось возвышение рода Захарьиных-Романовых.

18. В 1787 году Указом Синода грешницы Костромской епархии изменены. Церкви и монастыри Любимского уезда причислены к Ярославской епархии.

19. Василий Блаженный (ум. в 1552 г.), особо почитаемый московский юродивый, обличавший царя Ивана Грозного. К святым причислен при царе Федоре Иоанновиче в 1588 году.

20. Находился на территории костромского кремля.

21. Родом из села Одноушево, в 10 верстах от г. Солигалича.

22. Костромские епархиальные ведомости. Кострома, 1887, № 3, 4. Церкви Костромской епархии — С. 109—112.

23. Железно-Боровский монастырь Костромской епархии. Костромские губернские ведомости, 1842, № 33.

24. Румянцев П. Описание Железно-Боровского монастыря Костромской губернии. Кострома. 1873.

25. Алексей (ок. 1292/98—1378), митрополит московский с 1354 года.

26. Житие преп. Пахомия Нерехтского // «Труды IV областного историко-археологического съезда в Костроме 1909 года». Кострома. — 1914 г.

27. Упраздненные монастыри Костромской епархии. С предисловием А. А. Титова. — М. — 1909.

28. Херсонский И. К. Рукописное житие преп. Варнавы Ветлужского. // Костромская старина. Т. 1. — С. 32—38.

29. Богоматерь Корсунская — оплечный вариант «Умиления» Рукопись об этой иконе была в собрании ГАКО до пожара в 1982 г.

Светлана КАТКОВА.

ГОРОДСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

К 300-летию
Дома Романовых

ОБЪЯВЛЕНИЕ ЖИТЕЛЯМЪ города КОСТРОМЫ

Объявляю по всеобщему свѣдѣнію, что всякое движеніе по рѣкѣ Волгѣ въ предѣлахъ отъ Татарской слободы и выше на версту стоянки Царской пристани, находящейся у лѣваго берега рѣки Волги противъ дер. Козелина, а также и по рѣкѣ Костромѣ отъ наплавного моста до впаденія ея въ Волгу лодокъ частныхъ лицъ будетъ прекращено съ 12 часовъ ночи на 19-е мая и до 6 час. утра 21 мая.

Наблюденіе за выполненіемъ этого требованія возлагается на Костромского Полиціеймейстера и Костромского Исправника, а также на соответствующихъ районныхъ и участковыхъ Начальниковъ береговой охраны.

Движеніе же лодокъ по рѣкѣ Волгѣ ниже Татарской слободы и выше Царской пристани регулируется распоряженіемъ чинсвъ Судходнаго надзора и мѣстной полиціи.

Костромской губернаторъ,

Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Мая 14 дня 1913

Императоръ Стрѣмоуховъ

Ходатайство родительского комитета

Родительский комитет при Григоровской гимназии под председательством д-ра А. П. Михайлова постановил возбудить ходатайство перед правительством через городскую думу об отмене, в память 300-летия царствования Дома Романовых, переводных экзаменов в этой гимназии, являющейся самой первой по основанию в России и имеющей Романовский пансион.

«Поволжский вестник». — 1913. —
№ 1954.

Спѣшите

для иллюминаціи

приобрѣсти флажки съ саломъ и пу-
стыя безъ сала, заказы принимаютъ:
Щеповой (горшечный рядъ), лавка
Степана Смирнова, а на домъ по
адресу: Вознесенская ул., д. № 5,
къ Волгѣ. 1356—2

Депутация от Костромской губернии

Для принесения Государю Императору верноподданных поздравлений в г. С.-Петербурге 21 февраля 1913 года по случаю 300-летия Царствования Дома Романовых от Костромской губернии избраны следующие депутаты:

1) От дворянства, в состав коей войдут — Губернский Предводитель Дворянства М. Н. Зузин, Варнавинский уездный предводитель дворянства А. П. Захарин и Солигаличский уездный предводитель дворянства М. Н. Текутьев.

2) От губернского земства — председатель Костромской губернской земской управы Б. Н. Зузин, председатель Юрьевецкой уездной земской управы В. П. Грибунин и гласный губернского земского собрания князь С. А. Вяземский.

3) От городов — заступающий место Костромского городского головы П. М. Москвин, Ветлужский городской голова П. П. Кайгородов и Кинешемский городской голова Н. Д. Калашников.

4) От сельского населения губернии — волостной старшина Домнинской волости, Буйского уезда, Ф. Смирнов и староста коробовских болопашцев П. Соловьев.

5) От совета Костромской губернской ученой архивной комиссии — товарищ председателя А. И. Черницын, члены совета Л. Н. Северьянов и Н. Н. Виноградов.

«Поволжский вестник». — 1913. — № 1960.

ТЕЛЕГРАММА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА

КОСТРОМСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ.

ПЕРЕДАЙТЕ ВСЕМ ПРИСУТСТВОВАВШИМ СЕГОДНЯ НА ПРАЗДНОВАНИИ ТРЕХСОТЛЕТΙΑ ДОМА НАШЕГО МОЮ СЕРДЕЧНУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ЗА МОЛИТВЫ И ВЫРАЖЕННЫЕ МНЕ ЧУВСТВА ВЕРНОПОДДАННИЧЕСКОЙ ПРЕДАННОСТИ. РАДУЮСЬ МЫСЛИ БЫТЬ В СКОРОМ ВРЕМЕНИ СРЕДИ БЛИЗКИХ МОЕМУ СЕРДЦУ КОСТРОМИЧЕЙ.

НИКОЛАЙ.

«Поволжский вестник». — 1913. — № 1969.

ГИГИЕНИЧЕСКАЯ Парикмахерская П. Сироткина

(Выставка, магазин № 8.)

Съ 15 мая откроется роскошный парикмахерский зал; приглашены Московские мастера.

На время приезда ВЫСОЧАЙШИХЪ ОСОБЪ приглашенъ лучший дамскій парикмахеръ А. Г. Тихомировъ. (Кузнецкiй мостъ, д. № 3, бельэтажъ).

Имѣя въ виду большое скопленіе прическъ, прошу дѣлать записывать съ заблаговременнo по адресу: Дебринская ул., д. Невской № 10 кв. 2-

ЦѢНЫ ДОСТУПНЫЯ.

1228—5

Съ почтениемъ П. Сироткинъ.

Современный Театръ.

На 21 и 22 февраля 1913 года.

Въ Высочайшеименные дни
ЮБИЛЕЯ
Царствующаго Дома
РОМАНОВЫХЪ
ЖИЗНЬ ЗА ЦАРЯ
(Русская Костромская быль)
Инсценирована по Д. А. Бальсому.
Изъ 2-хъ картинъ.
Съ хоромъ и живыми картинками новыя
декорации и сценические эффекты.

ПРОГРАММА КАРТИНЪ:

СИГНАЛЬ ВЪДВСТІЯ. (Славагитимическая трагедія).
Монахъ подъ иконою. (Наша икон. «Плате мураль» (Мировая соборія)
Пестическіе уголки Бретани. (Волонья). Директ.

К торжествам 14 марта

В среду 13 марта накануне дня вошествия на престол Царя Михаила Феодоровича Романова во всех городских церквах после литургии Преждеосвященных Даров будут совершены панихиды с возглагошением вечной памяти родителям Государя Михаила Феодоровича, патриарху Филарету и инокине Марфе и всем почившим царям и императорам из царствующаго Дома Романовых.

В Ипатьевском монастыре панихида будет совершена с особой торжественностью.

В тот же день в 2 часа дня в Кафедральном соборе будет совершен молебен, после котораго икона Феодоровской Божией Матери крестным ходом будет перенесена в Ипатьевский монастырь.

В 6 часов в Ипатьевском монастыре начнется всенощное бдение с чтением акафиста Божией Матери.

14 марта совершена будет в монастыре литургия И. Златоуста, после которой отслужен будет молебен с возглагошением многолетий.

В пятницу 15 марта после литургии икона Феодоровской Божией Матери крестным ходом возвратится в Кафедральный собор.

«Поволжский вестник». — 1913. — № 1979.

Костромской Губернской Предводитель Дворянства ИЗВЪЩАЕТЪ

г.г. Дворянъ Костромской губ., что 20 мая 1913 г.
въ помѣщеніи Дворянскаго Собранія

НАЗНАЧЕНЪ БАЛЪ

Форма одежды балльная

для чиновъ гражданскихъ фракъ можетъ быть
замѣненъ лѣтнимъ форменнымъ сюртукомъ, при
орденахъ.

Шпенные билеты для входа на балъ можно по-
лучать въ канцеляріи Депутатскаго Собранія до
6 ч. вечера 18 мая с. г. 1286-1

Сегодня 5-20 мая въ 2 часа дня
въ залѣ Городской Думы
нѣтъ быть

Празднование 300-летия царствования Дома Романовых в селе Коробове

В силу той исторической связи, ка-
кая существует между белопапцами
села Коробова и царствующим Домом
Романовых, за родоначальника кото-
рого, царя Михаила Федоровича Ро-
манова, положил жизнь свою доблест-
ный костромской крестьянин Иван
Сусанин, потомки Сусанина с каким-
то особенным нетерпением ждали дня
300-летия воцарения Михаила Феодо-
ровича...

20-го числа местным причѣм, после
обычных часов, была совершена в
храме торжественная панихида об
упокоении усопших царей из Дома
Романовых и об упокоении Ивана Су-
санина, помолиться за которых бело-
папцы, по первому удару в колокол,
собрались в церковь, оставив все свои
дела и на время забыв даже о шум-
ном базаре, который обычно в этот
день (среда на маслянице) бывает в
г. Плесе.

21-го числа с раннего утра показа-
лись флаги, в здании училища замет-
но было необычное оживление, — то
заканчивалось внутреннее убранство
классной комнаты для предстоящего,
после церковной молитвы, торжества.
В 9 часов стали благовестить к обед-
не, присутствовал за богослужением

от Нижегородской удельной конторы,
в качестве представителя, приехал из
Кинешмы чиновник удельного ведом-
ства.

В 3 часа дня коробовцы — взрос-
лые и дети собрались в училище, где
портреты Государей и величественная
картина «Смерть Сусанина» красиво
были убраны зеленью и украшены
цветами. После пения молитвы «Царю
небесный», о. настоятель поздравил
белопапцев с великим торжеством и
объявил о Высочайшем награждении
более достойных из них почетными
кафтанами. Затем им же было прочи-
тано собравшимся о смутном времени
на Руси и об избрании Михаила Феод-
оровича на царство, — после чего
последовало пение гимна «Боже Царя
Храни», который был выслушан стоя.

В заключение был прочитан из при-
ходского чтения историко-статисти-
ческий очерк о потомках Сусанина и
селе Коробове, и на граммофоне сыг-
рано несколько пьес из оперы «Жизнь
за Царя», а детям, школьникам и ма-
лышам розданы гостинцы.

К 300-летию Дома Романовых

Национальный клуб изготовил к 300-
летию царствования Дома Романовых
бюсты в натуральную величину чело-
веческого роста. Царя Михаила Феодорови-
ча, Императоров Александра I и Алек-
сандра II и Государя Императора Нико-
лая I. С предложением о выписке бюст-
тов Национальный клуб обратился в гу-
бернскую земскую управу, которая, ве-
роятно, воспользуется этим предложе-
нием и приобретет бюсты для открыва-
емой ею юбилейной выставки.

«Поволжский вестник». — 1913. —
№ 1954.

Высочайшие вклады в Ипатьевский монастырь

С Высочайшего соизволения, как
передают московские газеты, импера-
торскому московскому Строгановско-
му училищу передан заказ на испол-
нение чрезвычайно ценных вкладов,
которые Дом Романовых вносит в
московский Архангельский собор и
в храм Ипатьевского монастыря в
Костроме, в ознаменование 300-летия
царствования Дома Романовых.

Для храма московского Архан-
гельского собора исполняется сень
над гробницей царя Михаила Феодо-
ровича вышиною в 6 аршин и к ней
лампада вышиною в один аршин.

Для храма Ипатьевского монастыря
училищу заказано: Евангелие, на-

престольный крест, чаши, дискос,
ковш для теплоты, лжица и копые.
Все эти вещи будут исполнены по ри-
сункам и композициям великого кня-
зя Петра Николаевича, который лич-
но передал директору Строгановского
училища Н. В. Глоба свои рисунки
при проезде через Москву. Все пред-
меты будут изготовлены к 1 мая. Все
они будут огромной ценности, чрезвы-
чайно массивные, украшены эмалью
и драгоценными камнями. Ввиду
краткости остающегося срока в мас-
терских Строгановского училища идет
кипучая работа.

«Поволжский вестник». — 1913. —
№ 1951.

Лица, желающие получить мѣста на
трибунѣ у мѣста закладки памятника

БЛАГОВОЛЯТЬ ЗАЯВИТЬ

о томъ Костромской Городской Управѣ въ при-
сутственное время съ уваженіемъ свидѣній о
своёмъ званіи, адреса и съ представленіемъ
платы.

Узна на мѣста отъ 6 до 10 рублей за мѣсто.

Лица, заявившія ранѣе Городской Управѣ о
желаніи своемъ получить мѣста на трибунѣ у
мѣста закладки памятника, но не внесшія денегъ,
благоволятъ внести таковыя въ кассу Костром-
ской Городской Управы не позднѣе 4 мая вклю-
чительно въ присутственное время.

1208-3

Высший педагогический институт в Костроме

Комиссия при Государственной Ду-
ме по ознаменованию 300-летнего
юбилея Дома Романовых приняла
проект учреждения педагогического
института в Костроме. Институту бу-
дет присвоено наименование Романов-
ского; в нем будут обучаться лица
обоихъ пола. Продолжительность курса
— 4 1/2 года. Институту будут
присвоены права высшего учебного
заведения. Плата за обучение взи-
маться не будет, но окончившие обя-
заны будут прослужить по учебной
части в течение 7 лет.

«Поволжский вестник». — 1913.
— № 1960.

Высочайшая благодарность

За особые труды по организации
празднования трехсотлетия царство-
вания Дома Романовых объявлена
Высочайшая благодарность костром-
скому губернатору в должности егер-
мейстера Высочайшего Двора П. П.
Стремухову.

«Поволжский вестник». — 1913.
— № 2071.

ОХРАНА ВЫСОЧАЙШИХ ОСОБ

Приезд Высочайших особ — событие для любого провинциального города. Кострома готовилась к нему. Задача настоящей публикации — показать одну из множества сторон этой подготовки. Инструкции чинам Отряда секретной охраны и чинам полиции извлечены из дела, имеющего название «Церемониал юбилейных торжеств празднования 300-летия Дома Романовых в 1913 г. в Костроме».

Инструкции эти типовые, такими же пользовались повсюду, куда следовала Августейшая семья. Тем не менее любопытно читать эти параграфы, рисуя в воображении знакомые улицы, скверы, набережную, дома, которые в короткое время были изучены, проверены, нанесены на планы и схемы с единственной целью — обеспечить безопасность царственных путешественников. Так же тщательно, без малейшего исключения, были проверены, занесены в списки и справки люди, которым позволено было находиться на достаточно близком расстоянии от них.

Подготовительной работой занимались два учреждения, созданные в Костроме в 1913 г.: Временное регистрационное бюро и Бюро по выданию пропусков.

Именно в фонде регистрационного бюро, находившемся на секретном хранении, и обнаружены документы, извлечения из которых представлены вашему вниманию.

ИЗ ИНСТРУКЦИИ ЧИНАМ ОТРЯДА СЕКРЕТНОЙ ОХРАНЫ ПО ОХРАНЕ ИХ ИМПЕРАТОРСКИХ ВЕЛИЧЕСТВ ВО ВРЕМЯ ВЫСОЧАЙШИХ ПУТЕШЕСТВИЙ И ПРЕБЫВАНИЙ ВНЕ МЕСТ ПОСТОЯННЫХ РЕЗИДЕНЦИИ

Введение

§ 1. Анархисты, члены революционных организаций, психически больные, фанатики из инверцев, вообще так называемые «неудачники» — вот те категории лиц, которые скорей всего могут дать субъекта, готового пойти на тяжкое преступление, а потому на них главным образом должно быть направлено внимание всех чинов, принимающих участие в осуществлении мер охраны.

Но вред для ВЫСОЧАЙШИХ Особ может быть нанесен и людьми вполне благонадежными, без всякого с их стороны злого умысла. Так, человек, выскочивший из толпы с целью личной подачи прошения, бросивший в экипаж букет цветов или кинувшийся к нему в экстазе верноподданнических чувств, все они, благодаря неожиданности своих

действий, легко могут причинить неприятности охраняемым Особам (...).

ОТДЕЛ I ОРГАНИЗАЦИЯ СЕКРЕТНОЙ ОХРАНЫ

Отряд Секретной Охраны, его состав, назначение и организация

§ 5. Отряд Секретной Охраны имеет назначением охранять ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА И ЕГО АВГУСТЕЙШУЮ Семью от всяких посягательств на их жизнь, здравие и неприкосновенность во время путешествий и пребываний ИХ вне мест постоянных резиденций, за исключением ИМПЕРАТОРСКИХ Дворцов и железных дорог (...).

§ 11. Командируемые в состав Отряда чины должны быть вполне физически здоровыми, хорошо умственно развитыми, отличного поведения, должны знать в лицо по возможности наибольшее количество революционных деятелей.

§ 12. Лица, состоявшие когда-либо «сотрудниками» розыскных учреждений, сколь бы много пользы не принесли они последним, ни в коем случае не могут быть командированы в состав Отряда Секретной Охраны (...).

§ 43. Вежливость, обходительность и выдержанность должны соблюдаться при всех обращениях как по отношению служащих разных ведомств, так и к частным лицам, но эта манера держать себя отнюдь не должна влиять на уменьшение твердости в предъявлении к публике служебных требований.

§ 44. Как на службе, так и вне ее агенту надлежит держать себя так, чтобы все его служебные тайны оставались при нем (...).

ОТДЕЛ II ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ СЕКРЕТНОЙ ОХРАНЫ А. Охрана путей следования в населенных пунктах. Организация охраны

§ 53. Наряд секретной охраны, выставляемый по путям следования, состоит: из цепи отдельных постов, распределяемых по линии проезда; постов в местах общественных собраний, находящихся по линии проезда; постов второй линии, или «тылового» наряда, и особых наблюдательных постов (...).

Обязанности постовых агентов по путям проездов

§ 94. Придя на пост, агент обязан войти в связь с чином наружной полиции, если таковой есть в районе его поста, и затем прежде всего выяснить, не грозит ли охраняемому лицу при проезде по посту какая-либо заранее приготовленная опасность, в каких целях он должен:

Отъезд царской семьи из Костромы. Фото К. К. Буллы.

а) узнать, не проживает ли у него в районе кто-либо из лиц опасных, о которых он не получил сведений при наряде на пост;

б) осмотреть путь проезда и все помещения общего пользования, как: водопроводные будки, писсуары, сараи, нежилые дома, за заборами, складами т. п., мосты и арки, проверяя, не скрываются ли где-либо злоумышленники и лица подозрительные, и не сделано ли каких-либо явных приготовлений к злоумышлению;

в) осмотреть дворы жилых помещений, ватерклозеты общего пользования и вообще вместилища, в которых могут укрыться временно с улицы, если только осмотр таковых не возложен на специальных агентов или надзирателей регистрационного бюро;

г) присмотреться, нет ли в домах по линии проезда лиц, наблюдающих за улицей из окон, с чердаков или с крыш (...).

§ 96. Все осмотры постовой агент производит самым тщательным, незаметным для постороннего глаза образом, маскируя осмотр каким-либо уважительным обычным предлогом, пользуясь при надобности услугами дворников или других известных ему лиц (...).

§ 101. Убедившись, что проезд по вверенному ему району безопасен, агент занимает пост по линии предстоящего проезда и с этого момента находится на нем безотлучно, наблюдая, дабы опасность для охраняемых лиц не появилась на посту уже после

занятий такового им, охранником.

В сих видах агент обязан:

а) внимательно всматриваться в каждое проходящее по посту лицо, проводя, кого найдет нужным, до следующего постового;

б) замечать, не проходит ли кто-либо по посту несколько раз, не сидят ли долго на скамейках лица неизвестные; не появляются ли прохожие с подозрительными ношами; не появляются ли лица, чего-либо ожидающие, нервно возбужденные, гримированные, подозрительно полные, с оттопыренными карманами;

в) не стоят ли на пути долго извозчики или собственные выезды; не появляются ли таковые к моменту проезда; не появляются ли извозчики, отказывающие возить при найме их;

г) не проезжают ли несколько раз одни и те же велосипедисты, моторы;

д) не появляются ли сомнительные разносчики, газетчики, посыльные;

е) не появляются ли лица, хотя и одетые в форменное платье, но заставляющие подозревать, что оно им не присвоено.

§ 102. Наблюдая за всем, происходящим в районе поста, агент обязан помнить, что он есть чин СЕКРЕТНОЙ охраны, а потому и должен держаться так, чтобы видеть все, что делается на посту, но в то же время самому не быть обнаруженным пред публикой; поэтому агентам воспрещается:

а) останавливаться без нужды или для передач на углах, у фонарных столбов и вообще на местах заметных и бросающихся в глаза;

б) подолгу смотреть в сторону появления охраняемого лица;

в) поднимать воротники на пальто, закутываться, смотреть на часы, принимать выжидательные позы и вообще проделывать все то, что может определить цель его нахождения на улице (...).

§ 104. При наблюдении за толпой при парадных проездах агент, следя за всем тем, что указано в параграфе 101-м, должен особенно внимательно относиться к тем, кто держится в публике особняком, кто не имеет, по-видимому, в толпе знакомых, кто не поддается общему энтузиазму — кто вообще является одиночкой. (...)

ОБЯЗАННОСТИ АГЕНТОВ, НАЗНАЧАЕМЫХ В МЕСТА ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ ПО ПУТЯМ ПРОЕЗДОВ

§ 116. В целях обеспечения проследования охраняемых особ мимо различных мест общего пользования, как: почтамтов, трактиров, ресторанов, чайных и тому подобных учреждений, где, скрываясь от глаз находящейся на путях проездов полиции, злоумышленники могут поджидать удобного для себя момента, указанные места обставляются чинами секретной охраны.

§ 117. Получив наряд в какое-либо место общего пользования, агент обязан одеться в соответствующий для данного места костюм, дабы не чувствоваться, прийдя туда, неловкость и не выделяться из среды его посетителей (...).

§ 121. Находясь внутри помещения, агенты наблюдают за посетителями, обращая внимание при этом:

а) не наблюдают ли кто из окон за путями проезда или не подходит ли к ним, обнаруживая при этом особое внимание;

б) не переговариваются ли из завешения условными знаками или сигналами с кем-либо на улице или в ближайших домах;

в) не проявляют ли кто-либо своими действиями нервного возбуждения, беспокойства, нетерпения;

г) не имеет ли кто-либо с собою вещей, с коими особенно бережно обращается, или вообще каких-либо подозрительных свертков (...).

§ 127. При проследовании охраняемого лица мимо обслуживаемого заведения агент должен занять позицию ближайшую к пути проезда и, если понадобится, принять все меры, до употребления в дело оружия включительно, к недопущению злоумышления. (...)

§ 166. В дни ВЫСОЧАЙШЕГО посещения данного места допуск в таковое оных лиц производится только по билетам за подписью представителя высшей административной власти, выдаваемым из билетного бюро.

ГАКО, ф. — 756, д. 266, л. 29—56.

Маршруты следования

в дни празднования торжества трехсотлетия царствования

Их Величества следуют из дворянского собрания мимо памятника Ивану Сусанину. Фото К. К. Буллы.

19 мая

1. Прибытие Их Императорских Величеств на «Царскую ставку».

9 ч. 45 мин утра пароход «Межень» под Императорским штандартом подошел к пристани — «Царской ставке».

После приема Николаем II депутации крестьян Шунгенской волости и почетного караула от Эриванского полка царская семья в открытых экипажах отправилась к Ипатьевскому монастырю.

2. Встреча Их Императорских Величеств у «Зеленой башни». Далее через ворота «Зеленой башни» и через внутренний двор Ипатьевского монастыря к Троицкому собору. Поклонение Федоровской иконе Божьей Матери у стен Ипатьевского монастыря [через Екатеринбургские ворота].

Их Величества в Троицком соборе Ипатьевского монастыря. Посещение Палат царя Михаила Федоровича [в 12.30].

3. Обратное следование Их Императорских Величеств из Ипатьевского монастыря на «Царскую ставку».

4. Прибытие Их Императорских Величеств на городскую пристань и прием депутации от г. Костромы [около 4 ч. 30 мин. дня].

Почетный караул от 183-го Пултусского пехотного полка.

5. Их Императорские Величества следуют в Романовский музей.

Путь следования: по Ильинскому спуску к р. Волге, части Русиной улицы, между Ботниковским сквером и зданием губернских присутственных мест, по Сусанинской площади, вокруг памятника Ивану Сусанину и Сусанинского сквера, до Романовского музея — по Павловской улице, посреди аллеи Романовского сквера.

6. Посещение Их Императорскими Величествами дома Костромского дворянства — 4 ч. дня.

Путь от дома Костромского дворянства на Царскую городскую пристань для следования на «Царскую ставку»: по Романовскому скверу Павловской улицы, по Сусанинской площади, вокруг памятника Сусанину, мимо церкви Воскресения на Площадке по Русиной улице и по Ильинскому спуску к р. Волге, где поставлена была Царская пристань.

20 мая

1. Прибытие в г. Кострому на городскую пристань.

2. Путь следования царской семьи в Кафедральный собор: вверх по Ильинской улице к Успенскому Кафедральному собору Высочайший смотр войскам: лейб-гренадерского Эриванского и Пултусского пехотного полка.

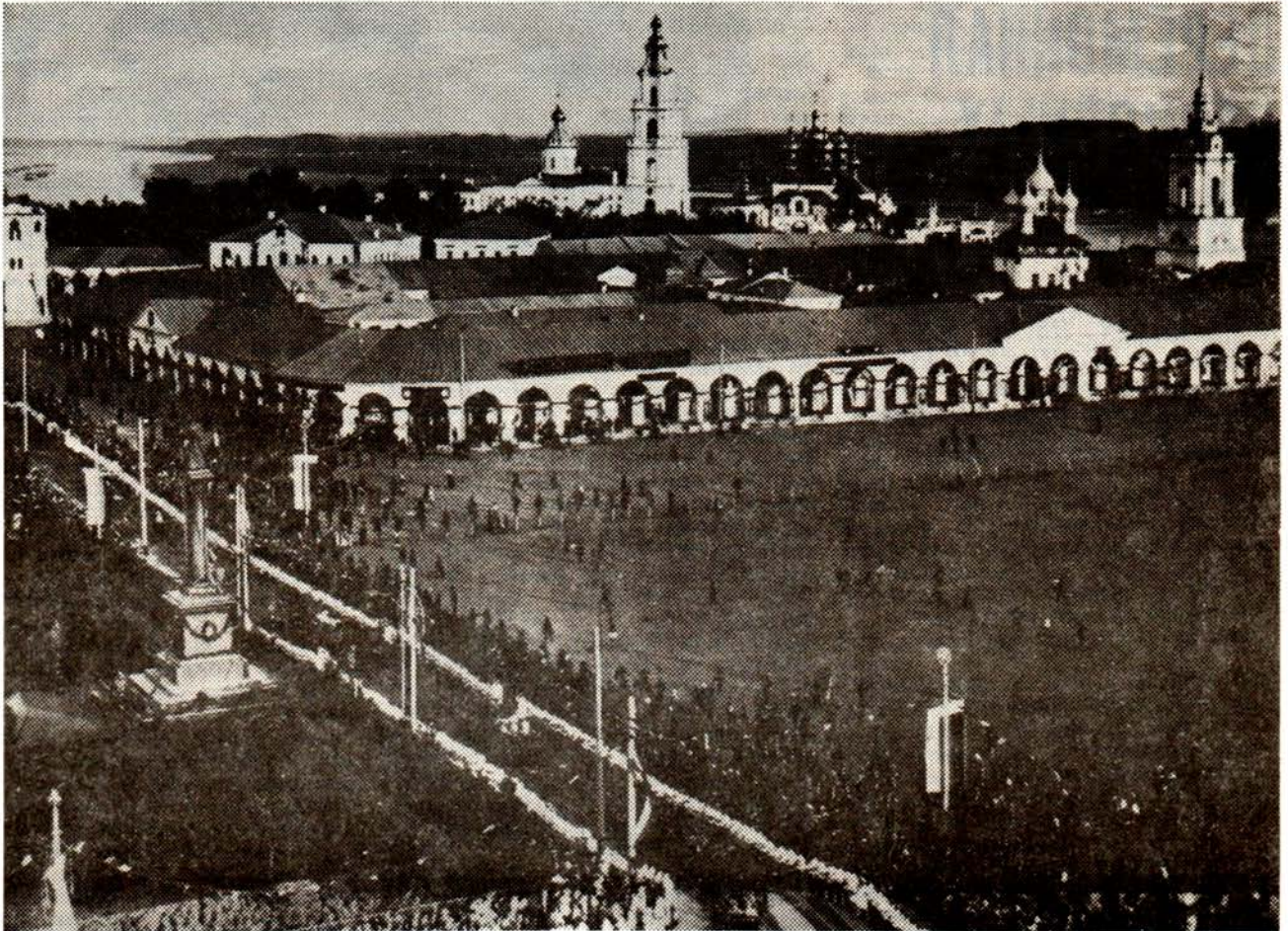
Посещение Успенского Кафедрального собора.

царской семьи

Дома Ромаковых в городе Костроме 19—20 мая 1913 года

3. Торжественное шествие к месту закладки памятника в ознаменование 300-летия Царствования Дома Романовых через «Святые врата» соборной ограды Торжественная закладка Их Императорскими Величествами памятника.

4. Посещение павильона города Костромы [был построен на высоком крутом откосе, составлявшем ранее западную стену Костромского Кремля].

5. Парад войск, собранных к дням торжества в г. Костроме.

6. Посещение Николаем II губернаторского дома. Путь следования пролегал от соборной площади между двумя городскими садами, по Нижне-Дебринской улице и по Борисоглебскому спуску, к губернаторскому дому. Перед домом губернатора — парад полицейской стражи Костромской губернии

Высочайший прием Православного Духовенства в губернаторском саду, вышедших должностных лиц Костромской губернии. Осмотр изготовленных фигур

для строящегося памятника 300-летия царствования Дома Романовых. Прием депутатов.

7. Посещение Николаем II 183-го пехотного Пултусского полка [конец Русинной [Кинешемской] улицы].

8. Посещение Ее Императорским Величеством, наследником цесаревичем и Великими Княжнами Богоявленского женского монастыря.

9. Завтрак на Императорском пароходе «Межень».

10. Посещение Николаем II и Великими Княжнами церкви Воскресения на Девре около 4 ч. дня.

11. Посещение больницы Красного Креста, устроенной в память 300-летия Царствования Дома Романовых.

12. Посещение Костромской губернской Выставки, устроенной в ознаменование 300-летия Царствования Дома Романовых. Из больницы через Нижнюю Дебрю на территорию Костромской губер-

нской Земской Выставки. Земская Выставка занимала довольно значительную часть квартала, расположенного на берегу Волги, и простиралась от Нижне-Дебринской до Набережной улицы. Кроме того, к Выставке примыкало еще обширное пространство берега Волги, занятое выставочными павильонами и разнообразными постройками. Через Набережную улицу перекинут был висячий мост, соединявший две части обширной Выставки С Выставки — на пароход «Межень», стоящий у Царской пристани.

13. Отбытие Императорской флотилии к «Царской ставке» на «Стрелку».

14. Обед в Высочайшем присутствии.

15. Отбытие Их Императорских Величеств из г. Костромы в Ярославль.

Н. Н. Виноградов. Празднование трехсотлетия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19—20 мая 1913 г., Кострома. — 1914 г. — 234 стр.

ЦЕРЕМОНИАЛ ЦЕРКОВНЫХ СЛУЖБ

На соборной площади у Успенского кафедрального собора в ожидании Госудря Императора. Фото К. К. Буллы.

во время посещения города Костромы ИХ ИМПЕРАТОРСКИМИ ВЕЛИЧЕСТВАМИ по случаю юбилейных торжеств в память 300-летия Царствования Дома Романовых.

19 мая. В 7 $\frac{1}{2}$ часов утра по местному времени (по Петербургскому — в 6 ч. 42 мин. утра) все городское и сельское духовенство, участвующее в юбилейных торжествах, собирается в Костромском кафедральном соборе во главе с Преосвященным Арсением Епископом Кинешемским, и совершает молебен о здравии ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и всей Августейшей семьи. По окончании молебна, в 8 $\frac{1}{2}$ утра по местному времени (по Петербургскому в 7 ч. 48 мин) из собора выходит крестный ход в сопровождении 25 пар хоругвеносцев и хора, учащихся в церковно-приходских школах, и по сигналу пушечного выстрела направляется на Ильинскую¹ улицу и пройдя оную, следует вверх по Набережной. Против кафедрального собора крестный ход останавливается в ожидании Царского парохода. Когда последний поравняется с крестным ходом, шествие продолжается вверх по Набережной, доколе это окажется возможным по состоянию пути, а затем крестный ход сворачивает на Мшанскую² улицу и останавливается у церкви Козьмы и Демьяна, что на Гноище³. По получении известия от полиции, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР выехал со Своей ставки к Зеленой монастырской башне, крестный ход продолжает шествие в Ипатьевский монастырь. В 9 $\frac{1}{2}$ часов утра по местному времени (по Петербургскому — в 8 ч. 33 мин.) из Троицкого собора Ипатьевского монастыря выходит к Зеленой башне монастырский крестный ход с Архиепископом Костромским Тихоном и Епископом Рязанским Дмитрием и пройдя Зеленую башню, останавливается в ожидании прибытия Высочайших Особ. После встречи Высочайших Особ и произнесения краткого приветственного слова, крестный ход возвращается в монастырскую ограду и через Екатерининские ворота выходит из монастыря для встречи крестного хода, идущего из города с чудотворной иконой Фе-

доровской Божьей Матери. После встречи оба крестных хода проходят в монастырь. Федоровская икона Божьей Матери вносится монастырской братией в Троицкий собор. Хоругвеносцы выстраиваются шпалерами от Екатерининских ворот до паперти собора, а за ними учащиеся церковно-приходских школ. Затем в Троицком соборе совершается литургия и по окончании ее благодарственный молебен с провозглашением Царского многолетия.

20 мая. В Костромском кафедральном соборе совершается литургия Архиерейским служением, звон к которой в 7 часов утра по местному времени, а начало в 7 $\frac{1}{4}$ часов утра. К 9 часам утра по местному времени в собор прибывают Архиепископ Тихон, Епископы Дмитрий и Арсений, городское духовенство и духовенство, участвующее в юбилейных торжествах по назначению Святейшего Синода, и по облачении выходят в сопровождении хоругвеносцев, в количестве 10 пар, к св. воротам для встречи Высочайших Особ. После встречи и проследования Высочайших Особ в собор через западные двери, совершается краткое молебен с провозглашением Царского многолетия. Затем из собора западными дверями выходит крестный ход к месту закладки памятника. Здесь Архиепископ и духовенство становятся на особо устроенном амвоне на одной его стороне, оставляя другую сторону свободною. Против духовенства в противоположной стороне памятника выстраиваются полукругом хоругвеносцы. Певчие становятся на особом амвоне⁴. После совершения закладки памятника крестный ход возвращается в собор.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ул. Ильинская — ул. Чайковского
2. ул. Мшанская — ул. Островского
3. церковь Козьмы и Демьяна на Гноище находилась на перекрестке улиц Мшанской и Кирпичной (Островского и Терешковой)
4. амвон — кафедра христианской церкви

Приезда в Кострому царской семьи ждал весь город, все его жители без различия чинов и званий. И у каждого был повод для волнений: подготовиться к встрече Высочайших гостей, привести в порядок улицы и площади города, удостовериться в благонадежности населения, успеть выполнить все задуманное по случаю празднования 300-летия Дома Романовых, получить пропуск в места Высочайшего посещения, приехавшим из губернии — нанять квартиру.

19—20 мая 1913 г. Их Императорских Величеств всюду окружали восторженные подданные. Но была особая группа, которая волновалась больше других и трепетала пуще прочих. Это — костромские дамы. Согласно церемониалу юбилейных торжеств, несколько дам должны были удостоиться особой чести — представиться Ее Императорскому Величеству. Легко вообразить, как тщательно пересматривались гардеробы, шились новые платья, приличествующие такому событию, придумывались прически, репетировались позы и улыбки. И как ревниво ожидалась пригласения.

В письме от 21 марта 1913 г. гофмейстеру Двора Его Императорского Величества В. В. Евреиннову костромской губернатор П. П. Стремоухов изложил подробно разработанный план церемониала. Вопросы о том, кто может быть представлен Императрице, ставились в нем очень серьезно. Приведом некоторые пункты плана, особое внимание следует обратить на примечания.

«(...) В 9 час. 30 мин. императорская яхта подходит к пристани, расположенной против Ипатьевского монастыря.

Их Величеств будут встречать:

- 1) Губернатор и его жена.
- 2) Губернский предводитель дворянства с супругой.
- 3) Вице-губернатор (холост).
- 4) Председатель губернской земской управы с супругой.
- 5) Уездный предводитель дворянства.
- 6) Председатель уездной управы.

Примечание. Вопрос о женах первых четырех лиц был разрешен Вашим Превосходительством в утвердительном смысле. Относительно представителей уездного общественного элемента указаний со стороны Вашего Превосходительства не последовало. С своей стороны позволяю себе выразить желательность проведения демаркационной линии между властями губернскими и уездными (...).

8) Почетный караул Лейб-Эриванского полка (...).

При переговорах с Вашим Превосходительством возникло предположение, что тут же будет находиться и супруга командира полка. Признаком,

что при этом я имел в виду жену командира местного полка, т. е. Пултусского полка, но, так как будет представляться почетный караул от Эриванского полка, то возникает вопрос о том, не касается ли это жены командира Эриванского полка. Существует ли таковая и прибудет ли она с Кавказа — мне неизвестно (...).

Если признавать, что на пристани может быть только жена командира Эриванского полка, то, таким образом, для жены командира местного полка места совершенно не окажется, что было бы несправедливо. Затем, для меня остается вопрос, должна ли это быть непременно жена командира полка, или, в случае невозможности по тем или иным причинам ей представиться, то старшая полковая дама.

Позволю себе высказать предположение, что при осложненности данного вопроса, проще было бы ограничить число дам женами губернатора и губернского предводителя дворянства, жене же председателя губернской земской управы предоставить возможность встретить Их Величеств при посещении Земской выставки, военным же дамам дать возможность представиться там, где будет указано Вашим Превосходительством место для супруг начальников отдельных частей (...).

(...) Государыни Императрицы изволят следовать в Боговляненский монастырь.

Примечание. По моему мнению, тут представляется единственно возможное место, где бы Их Величествам могли представиться так называемые городские дамы (жены начальников отдельных частей), местные благотворительницы и дети приютов с предметами их производства (...).¹

Как видно из этого документа, губернатор пребывал в затруднительном положении. И выход он видел в том, что в выборе дам «(...) должен быть выставлен известный принцип, как, например, ограничивающий круг представляемых определенным классом и занятием их мужьями должности начальника отдельной части.

Если остановиться на 4 и 5 классе, то всего должно быть представлено 8 дам (...).

Если же расширить этот круг до особ 5 класса, не управляющих отдельными частями, (...) то число их достигло бы 38.

Полагаю, что для военных могло бы быть сделано исключение и допущены жены лиц, занимающих должности и 6 класса (...).²

В. В. Евреинов высказал пожелание о том, чтобы в список дам были включены те, кто действительно сможет представиться Ее Величеству, на что костромской губернатор ответил, что он не решает «кого бы то ни было опрашивать, дабы не подавать неосуществимых, может быть, надежд».³

„Ея
Величество
Государыня
Императрица
соизволит
принять
вас...“

Счастливого ожидания закончились для 14 костромских дам. 26 апреля 1913 г. заведующий церемониальной частью министерства Императорского двора, уже знакомый нам В. В. Евреинов, сообщил П. П. Стремоухову их имена⁴.

Всем им были вручены уведомления о соизволении Государыни Императрицы принять их.

Рано утром 19 мая 1913 г. на Царскую пристань, близ Ипатьевского монастыря, для приветствия Ее Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны прибыли дамы — супруги высших должностных лиц губернии: костромского губернатора — София Александровна Стремоухова, костромского губернского предводителя дворянства — Вера Леонидовна Зузина, председателя костромской губернской земской управы — Елизавета Николаевна Зузина.

По каким-то причинам на встрече отсутствовала супруга костромского уездного предводителя дворянства Евгения Дмитриевна Кравкова, приглашенная ранее.

В то время как Государь Император, сойдя с пристани, принимал приветствия, они поднялись на пароход и имели счастье представиться и приветствовать Императрицу и поднесли

ей и Великим Княжнам букеты цветов.

Супруги и дочери начальников костромских административных и судебных учреждений — Евгения Болеславовича Чемодурова — жена председателя окружного суда с дочерью, Александра Яковлевна Смирнова — жена начальника управления земельных и государственных имуществ, Пелагея Александровна Коковцева — жена управляющего казенной палатой, Антонина Васильевна Орлова — жена управляющего акцизными сборами, Александра Дмитриевна Виноградова — жена директора народных училищ, Елена Александровна Шишкова — жена управляющего отделением крестьянского поземельного банка, Иулиания Николаевна Токмачева — жена уездного воинского начальника, Евгения Александровна Малеева — жена командира 183 пехотного Пултусского полка, Вера Васильевна Эрнст — жена начальника губернского жандармского управления, Елизавета Васильевна Плакситская — жена старшего фабричного инспектора — представлялись во время посещения Ее Императорским Величеством вместе с Их Императорскими Высочествами, наследником Цесаревичем и Великими Княжнами Ольгой Николаевной, Татьяной Николаевной, Марией Николае-

вной и Анастасией Николаевной Богоявленского женского монастыря. «При этом супруга командира 183-го пехотного Пултусского полка г-жа Малеева имела счастье поднести работы дам полка, а учительница Домнинской церковно-приходской школы Буйского уезда г-жа Никольская-Любимова удостоилась счастья поднести Ее Императорскому Величеству резное деревянное блюдо с шириной, вышито в русском вкусе.

Каждая из представляющихся дам была удостоена Ее Императорским Величеством милостивым разговором.

В то же время супруга лейб-гренадерского Эриванского, имени Его Императорского Величества полка г-жа Мдивани имела счастье поднести Ее Императорскому Величеству Государыне Императрице и Их Императорским Высочествам Великим Княжнам букеты живых цветов.»

Лариса КОВАЛЕВА.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1) ГАКО, ф. 756, оп. 1, д. 266, л. 64—67об.
- 2) Там же, л. 80—80об.
- 3) Там же, л. 81.
- 4) Там же, л. 105—105об.
- 5) Там же, л. 153.
- 6) Празднование 300-летия царствования Дома Романовых в Костромской губернии 19—20 мая 1913 г. Кострома, 1913 г. — с. 177.

Отъезд Их Императорских Велиеств в Ипатьевский монастырь. Фото К. К. Буллы.

К. К. Булла СПбургь
C. O. Bulla St. Petersburg

Юбилейный Городок

В 1912 ГОДУ, летом, участок городской местности, бывший между улицами Нижне-Набережной и Дебринской, недалеко от Воскресенской, что на Девре, церкви, обнесли деревянной изгородью. Значительных размеров площадка мало-помалу стала заполняться разного рода строительными материалами и вскоре приобрела вид прибрежного склада лесных материалов. Старательные извозчики-ломовики сопровождали тяжеловесные повозки, нагруженные бревнами, брусьями, досками и всяким другим материалом, потребным в строительстве. Началось возведение юбилейной, в честь 300-летия Царствующего Дома Романовых, выставки, устроителем коей состояло костромское губернское земство.

Впервые мысль об устройстве «общегубернской по району действия» выставки, посвященной выдающейся дате истории, прозвучала в сессии губернского земского собрания 1911 года. Тогда же избрали подготовительную комиссию, которая, рассмотрев предмет и сделав некоторые общие подсчеты, представила следующему заседанию губернских гласных доклад-заключение. Доклад был принят, и гласные постановили, что «... в предвидении Высочайшего посещения городов Костромы и безотносительно к тому, состоится ли таковое посещение, губернскому земству безусловно следует летом 1913 года организовать чисто местную выставку Костромского края». В части устройства ее гласные выставили одно неперемное условие: выставка должна «...представить не

Близь выставки

сдаются на время торжеств квартиры с полной обстановкой: 3 комнаты и 2 комнаты. Воскресенская ул., д. № 30, кв. 1. 1304—4

частную картину одной какой-либо отрасли народнохозяйственной жизни, а полную картину этой жизни в главных ее проявлениях».

С этого времени и без того беспокойная жизнь земского руководства закипела вокруг выставочной идеи. Начались хлопоты об ассигнованиях, привлечении средств других ведомств, в частности подробнейшая разработка устроительных документов — положений, правил, программ, искали годную для дела землю, непременно в порядочном месте. Удобный участок нашлся вблизи Волги: между улицей Воскресенской и Никольским переулком. Одну часть его заарендовали на выставочный срок, другую приобрели в земскую собственность. После определения места выставки встал вопрос о проекте. Земцы поступили по старому, заветному, мудрому обычаю: не вручать заказа по составлению проекта какому-либо случайному архитектору, а принять к производству грамотное, соответствующее идее архитектурное сочинение. В марте 1912 года в столичном журнале практической архитектуры «Зодчий» губернская земская управа объявила конкурс для составления проекта костромской юбилейной выставки. Спустя три месяца авторитетная ко-

Общий вид Губернской Земской промышленной, кустарной и сельскохозяйственной выставки в честь 300-летия Дома Романовых. Фото П. Павлова, 1913 г.

миссия присудила первую премию проекту художника-архитектора Л. Р. Сологуба. В ходе строительства выставки автору пришлось дорабатывать, точнее говоря, прибавить в существующий план несколько сооружений, ибо отдельные лица-экспоненты, по примеру более состоятельных собратьев-предпринимателей, пожелали иметь собственные выставочные павильоны.

В июле 1912 года артели плотников подрядчика М. С. Трофимова, взявшего заказ по строительству выставки, начали возводить первые терема-павильоны деревянного приволжского городка, замысленного автором в древнерусском стиле XVII века. Городское общество проявило к месту стройки неподдельный интерес. Теперь всякий день жители разной численности и обыватели-одиночки навещали местность или обозревали действо с верхней террасы Муравьевки, отмечая всякий раз перемены в затеянном предприятии. Величайшие неудобства испытывали мастера плотники от нештатности городской детворы. Она, несмотря на заборы и строжайшие запреты, просачивалась сквозь ограждения, через толково устроенные лазы и щели, обращая отдельные конструкции в игровые снаряды. Справиться с ними не было никаких сил, и работным людям оставалось лишь мириться с действиями игривой, любознательной публики. Сторожевая служба также, не найдя способа отвадить энергичную ребятню от места, вынуждена была благосклонно принимать детское общество, имея от него заверение — не курить, огня не разводить!

Положения и правила для экспонентов выставочный комитет распространил по всем городским и уездным управам губернии и опубликовал в газетах. Торговцы и производители увидели в сем событии удобный случай разрекламировать собственные дела, продукцию, услуги. Весьма скоро в губернскую управу начали поступать предложения от учреждений и частных лиц, заявлявших о желании участвовать в выставке. Согласно выставочным правилам экспонентом выставки мог стать любой житель губернии, независимо от звания, сословия, имущественного положения, оплативший экспозиционную площадь (место), с любым числом экспонатов, прошедших отбор. К участию в выставке допускались представители фирм из других губерний при условии, если их экспонаты имели «...непосредственное отношение к задачам выставки и интересам местного хозяйства». В отдельных случаях, по заключению губернской управы, экспоненты от платы освобождались.

К зиме работы по постройке павильонов несколько замедлились и внешне, казалось, прекратились вовсе. Однако ход их не прекращался всю зи-

му, работа кипела внутри зданий. С весной звонкие голоса топоров и певучих пил с новой силой зазвучали над территорией городка. К маю «древний» с башенными постройками, окрашенными «под цвет слегка начинающего темнеть дерева, с разнообразной разделкой в русском вкусе» городок предстал костромичам в совершенно законченном виде. На правильных его улицах рабочие-искусники, мастеровые с поспешностью и аккуратностью производили заключительные действия, имея желание довести его физическому до безукоризненной внешности. Внутри павильонов-теремов царил хаос: служащие, забывшие об отдыхе, выкладывали плотные ряды экспозиций. Только ко дню приезда Государя они окончат свой труд.

Сказочный, картинный городок Государь с Августейшим семейством удостоил посещением 20 мая. Его встретили хлебом-солью. В сопровождении губернского, городского и земского начальства царская семья подробно осмотрела выставочные отделы, приняла «угощение чаем». Городок вообще и некоторая часть экспонатов в частности удостоились Высочайшего одобрения. Представители депутатий и частных фирм «имели счастье» поднести Его Императорскому Величеству подарки, которые были Всемилоостивейше приняты. Сквозь живой коридор, составленный из воспитанников учебных заведений, под звоны колоколов-экспонатов, «при неумолкаемых криках «ура» Августейшее семейство изволили отбыть на специальную пристань, откуда императорская «Межень», отдав прощальный свисток, отошла в костромскую ставку близ Ипатьевского монастыря. На следую-

щий день выставочный городок открылся для публики.

Парадный вход в выставку был обращен лицом к Волге. Его надвратная башня с высоким шпилем венчалась дрезней ладьей — символом Костромы. В новоустроенный «древний» град посетители входили с Нижне-Набережной улицы. Сразу от входа располагались павильоны-терема, здание ресторана и театра. В последнем демонстрировались синематографические ленты, и, в частности, через три дня по отъезду Государя, с успехом весь летний сезон «сверх программы» давали хронику костромских юбилейных торжеств. Тут же устраивались музыкальные представления, дивертисменты, спектакли.

Взору всякого посетителя, вступившего на территорию городка, тотчас открывался воздушный живописный вид с величественным образом устроенной просторной площадью. В середине ее действовал главный фонтан. В центре круглого, изрядных размеров бассейна, на массивной возвышенности покоилась приятной работы чаша с невысокой пирамидой, из которой била струя чистой волжской воды высотой до трех-четырёх метров. У внутренней стороны бассейнового кольца с четырех сторон на подставках устроились сказочные птицы, рассыпающие из клювов прозрачные шипящие веера влаги. Рядом с фонтаном находилась музыкальная беседка. В определенных часы «оркестр музыки» одаривал посетителей порядочной игрой, исполняя любимые и знакомые произведения публики. Фонтан и беседку окружали искусные газоны, созданные умелыми руками, «пестрые и мелкие» цветы которых производили на всяко-

В кустарном павильоне. Фото П. Павлова, 1913 г.

го приятное впечатление. Против музыкальной беседки в окружении островков-газонов стояла конная статуя «Русского богатыря», олицетворяющего силу и мощь русского народа. Нарядная площадь переходила в улочку, образованную линиями павильонов, в центре которой лежали газонные цветные ковры. В последнем из них также имелся фонтан, более скромный по размерам и устройству. Короткая улочка завершалась звонницей колоколотейного завода С. Н. Забенкина. По просьбе посетителей звонарь, приставленный хозяином, мастерски выводил над городком самые разнообразные звоны. Отдельные колокола-экспонаты на звоннице были украшены портретами царствующих особ. Колокол особой отливки Забенкин преподнес в дар Государю Императору.

Невдалеке от звонницы, в уединенном зеленом уголке имелся круглый водоем. Центром его была скульптура сидящей девушки-русалки, против которой над водой возвышалась голова лешего. Сказочное место, окруженное деревьями, отбрасывающими в жаркий день спасительную тень, привлекало для отдыха на скамьях экскурсирующую публику. Впрочем, и во всякий день здесь наблюдалось

скопление людей — рядом соседствовали два «вкусовых» павильона: булочной и кондитерской М. Ю. Заблоцкого и пивоваренного завода «Новая Бавария» Э. И. Куни. Их продукция всегда славилась исключительными вкусовыми свойствами.

Нижне-Набережная улица разделяла выставку на две части. Вход в прибрежную часть располагался между зданием ресторана-театра и площадкой «торжок», которая представляла собой торговый ряд с почтово-телеграфным отделением и междугородным телефоном. Барышни обеспечивали телефонную связь с Нерехтой, Ярославлем, Москвой. Публика по неширокому деревянному пешеходному мостику, перекинутому через улицу, проходила для осмотра береговых экспозиций. Из капитальных построек здесь имелся только павильон российско-богемского пивоваренного товарищества «Богемия» в Рыбинске. В павильоне с гордостью демонстрировался автоматический буфет с холодными закусками. Остальной участок занимали навесы отдела животноводства, шатры и пчельники пчеловодного отдела. В весеннее половодье местность почти целиком заливалась водой, оттого и обустройство этой части выставки состоялось

только после спада внешней воды.

В павильонных строениях числом около тридцати, имеющих разный архитектурный вид, в образцах и экспонатах представлялись, пожалуй, все губернские богатства. Тысячи экспонатов в виде фотографий, диаграмм, моделей, образцов природных богатств, продуктов производства, отчетов о состоянии и полных характеристик о всех отраслях и видах деятельности губернского народонаселения — вот, пожалуй, самый короткий перечень павильонных внутренностей выставки. Многие посетители выставочного городка испытывали от пребывания в нем истинное наслаждение. Вся тамошняя атмосфера располагала к тому. В восторг и изумление гостей-экскурсантов приводило все: и вид внешний, и внутреннее убранство сказочных теремов, их экспозиции, составленные доходчиво, с исчерпывающей полнотой, и простые, хорошо запоминающиеся объяснения служащих, и возможность наблюдать в действии работу многих машин и механизмов. В особенности долго помнились бесплатные угощения, приготовленные тут же, на глазах восхищенных наблюдателей. Все лето приволжский городок принимал группы учащихся, студентов, путешественников, прибывающих

— Государь Император во время посещения выставки. Фото К. К. Буллы.

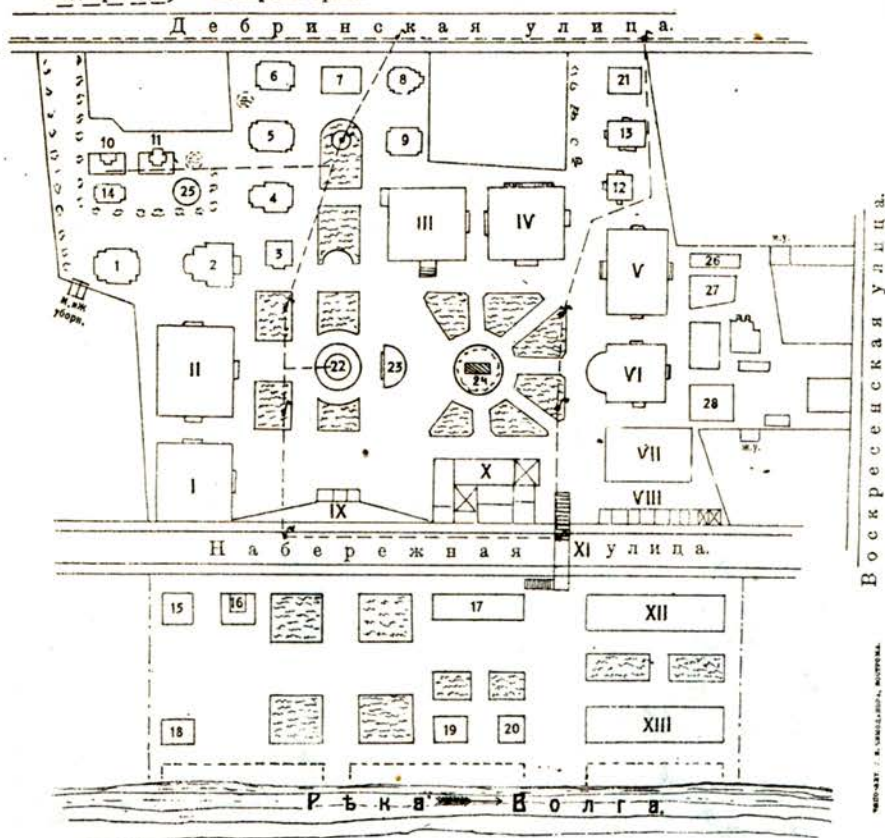

ПЛАН

КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ ВЫСТАВКИ ВЪ ОЗНАМЕНОВАНИЕ 300-ЛѢТІЯ ЦАРСТВОВАНІЯ ДОМА РОМАНОВЫХЪ.

Водопроездъ. Пожарный крайъ.

сюда со всей России. На украшенных площадях городка устраивались праздники, спортивные состязания, детские утра и вечера отдыха. За лето состоялось несколько повременных выставок: по молочному хозяйству и маслоделию, птицеводству, крупного рогатого скота и т. д. Победителям вручались награды: медали, похвальные листы, свидетельства. В августе на многих экспонатах появились ярлыки с надписью — «продано».

Первого сентября в торжественной обстановке был спущен флаг выставки. Началась пора распродаж. Состоялись аукционы. Павильоны освобождались от экспонатов. Часть их, по желанию владельцев, переместилась в естественно-исторический музей губернского земства. Мало-помалу территория городка приобрела неустроенный вид: замолчали фонтаны, исчезли скамейки с «чугунными литыми ножками», лепные вазы с цветами, разобраны и изгородь. Извозчики в тяжело-

весных повозках развозили теперь бревна от павильонов, «проданных на слом», по обывательским усадьбам. К поздней осени юбилейный городок исчез совершенно. На пустынной площадке теперь целиком властвовала городская детвора, приспособлявая к играм забытую конную статуя русского богатыря. Через год исчезла и она.
Андрей АНОХИН.

УКАЗАТЕЛЬ К ПЛАНУ ВЫСТАВКИ

- I. Павильон крупной промышленнос-ти.
- II. Павильон ткацко-прядельный.
- III. Павильон кустарный.
- IV. Павильон земского и городского хозяйства.
- V. Павильон лесной.
- VI. Павильон сельскохозяйственный.
- VII. Навес для сельскохозяйственных машин.
- VIII. Торжок.

- IX. Главный вход.
- X. Ресторан и театр.
- XI Мост.
- XII. Павильон животноводства.

1. Павильон товарищества Большой Кинешемской мануфактуры на Томне.
2. Павильон товарищества Большой Костромской льняной мануфактуры в Костроме.
3. Павильон товарищества мануфактур Сосипатра Сидорова.
4. Павильон товарищества мануфактур Анны Красильщиковой с сыновьями в селе Родники.
5. Павильон товарищества мануфактур Ивана Коновалова с сыном [фабрика в селе Бонячки и мест. Каменка].
6. Павильон товарищества бумаготкацкой мануфактуры братьев Г. и А. Горбуновых в селе Середа.
7. Звонница колоколотейного завода С. Н. Забенкина в Костроме.
8. Павильон товарищества Вичугских мануфактур братьев Ф. и И. Разореновых.
9. Павильон товарищества мануфактур Герасима Разоренова и Ивана Корева в селе Тезино.
10. Павильон булочной и кондитерской М. Ю. Заболочной.
11. Павильон пивоваренного завода «Новая Бавария» Э. И. Куни.
12. Павильон Костромского отделения крестьянского поземельного банка.
13. Лесной павильон товарищества Ивана Коновалова с сыном.
14. Павильон товарищества мануфактур, основанных И. И. Скворцовым.
15. Павильон огнестойкого строительства губернского земства.
16. Павильон российско-богемского пивоваренного товарищества «Богемия» в Рыбинске.
17. Образцовая маслодельня.
18. Павильон Костромского добровольного пожарного общества.
- 19 и 20. Шатры отдела пчеловодства.
21. Гидротехнический отдел.
22. Фонтан.
23. Эстрада для оркестра.
24. «Русский богатырь», скульптура.
25. Водоём.
26. Питомник товарищества Ивана Коновалова с сыном.
27. Питомник Спасо-Красногорской лесной школы.
28. Питомник Костромского отдела Императорского русского общества садоводства.

Больница Красного Креста

17 ноября 1913 года в костромской газете «Поволжский вестник» появилось объявление: «Федоровская община Красного Креста. Прием больных по внутренним, нервным и детским болезням в Романовской больнице при общине производится ежедневно с понедельника 18 ноября с 4 до 6 часов вечера, кроме воскресных и праздничных дней».

Именно с этого времени начала работать больница, которую многие костромичи знают как «больницу Красного Креста».

Как отмечали современники, горожане получили «образцовое заведение, удовлетворяющее всем новейшим требованиям современной науки, гигиены и санитарии». Но не менее важно, что больница должна была стать школой, где получали первые навыки ухода за больными костромские сестры милосердия. Своему трудному ремеслу они обучались в классах общины во имя Федоровской Божьей Матери, учрежденной местными органами Красного Креста в 1900 году.

Еще тогда, на торжественном молебствии по случаю открытия общины, председатель Костромского управления Красного Креста губернатор И. М. Леонтьев «выразил желание... об устройстве при общине детской больницы и водолечебницы»¹.

И неизвестно, сколь долго это желание осуществлялось, если бы не предстоящие торжества по случаю 300-летия царствования Дома Романовых.

Именно это событие подтолкнуло Главное управление Российского общества Красного Креста, «состоящего под Высочайшим Покровительством Государыни Императрицы Марии Федоровны», взять на себя расходы по строительству в Костроме «особо обширной больницы».

Для разработки проекта был приглашен художник-архитектор Министрства Императорского Двора — Владимир Михайлович Лопатин, который летом 1910 года выехал в Кострому для переговоров с местной общественностью.

Место под строительство предполагалось отвести на Нижне-Дебринской улице (ул. Кооперации), где в собственном доме с 1903 года располагалась Федоровская община.

28 января 1911 года после подготовки и обмена бумагами между инстанциями вопрос о предоставлении участка городской земли был заслушан на заседании гласных Костромской городской думы. Ревностно исполнявших свой долг депутатов интересовало, какую пользу принесет больница городу, сколько будет иметь коек, кого и на каких условиях обслуживать?

«...Все учреждения Красного Креста, в т. ч. и лечебные заведения, — пояснил собравшимся врач Л. П. Скворцов, — имеют воспитательное

значение для сестер милосердия... Амбулаторный прием будет совершенно бесплатный; для пострадавших на излечение в больницу... будет назначена плата, для бедных же больных будет несколько бесплатных коек»².

Итак, «по окончании обмена мнений» дума единогласно постановила: «Отвести попечительству Федоровской общины сестер милосердия Красного Креста безвозмездно, для постройки здания больницы при общине... участок городской земли... пока будет существовать больница или какое другое просветительное учреждение»³.

За время строительства больницы «земельный вопрос» возникал еще не раз. В конце концов 10 декабря 1912 года городские власти и местное управление Красного Креста подписали акт о безвозмездном предоставлении участка городской земли в 2156,31 кв. саженей «на все время существования... зданий: общежития, больницы, служб при них, или какого-либо другого просветительного учреждения»⁴.

План земельного участка был направлен архитектору.

В марте 1911 года эскизный проект прошел утверждение Главного управления, которое в свою очередь «ассигновало необходимые средства».

18 апреля 1911 года с проектом ознакомилась костромская общественность.

Предлагаемый вариант предусматривал строительство больницы из 17 палат на 30 коек для хирургических и терапевтических больных с операционной, перевязочной, стерилизационной, стенными шкапами для согревания белья и растворов; амбулаторией с «ожидательной» для больных, кабинетами врачей и перевязочной.

Необходимо было переоборудовать существующее здание общины и соединить его со зданием больницы.

Весь комплекс предполагалось снабдить водяным отоплением, особой системой вентиляции, водопроводом, операционную и прачечную — горячей водой; канализацией с системой фильтровальной очистки и поглощающим колодцем, построить ряд служб, в т. ч. часовню, секционную, ледник, сарай, конюшни.

При больнице предусматривалась квартира для врача. Здания должны быть окружены садом с цветниками.

Проект был принят почти без замечаний. Но как только специалисты-медики познакомились с чертежами более подробно, замечания не замедлили появиться.

Больница «явится образцовой с похвальной стороны своей красотой и роскошью, но далеко спустится с высоты образца по больничным требованиям и удобствам», — безапелляционно заявляли критики.

И далее: «Неужели при 100-тысячной затрате что-нибудь стоит устро-

ить более спосное и более обширное помещение для врача, иначе придется общине приглашать врача не по его заслугам и достоинствам, а по квартире, в которой он мог бы уместиться»⁵.

Предлагали устроить кабинет для лабораторных и микроскопических исследований, рентгеновский кабинет, установить вентиляторы, подъемную машину в операционной «для спуска белья и отрезанных частей тел», снабжать больницу ключевой водой, настаивали на строительстве для амбулатории отдельного здания.

Пока шли споры и дорабатывался проект, начала работу строительная комиссия под председательством губернатора П. П. Шиловского. Производителем работ стал губернский архитектор Л. А. Большаков.

Были приглашены к сотрудничеству столичные фирмы. «Русское общество машиностроительного завода братьев Кертинг» проектировало систему отопления и вентиляции.

Канализация, освещение и водопроводные работы были поручены инженеру-механику статскому советнику Леопольду Романовичу Шведе. Отделкой фасада должна была заниматься Петербургская фирма М. Ф. Сундерлянда. Главный садовод Петергофско-

го дворцового управления А. В. Густанович был привлечен для работ по планировке сада. Для написания портретов императорской фамилии и образа для часовни в Кострому должен был приехать классный художник I степени И. И. Ланской.

22 июля 1911 года состоялся молебен «по случаю начала работ». В котлован для фундамента больницы заложили грамоту: «В лето от Рождества Христова 1911-ое июля 22 дня в царствование Его Императорского Величества Государа Императора Николая Александровича Самодержца Всероссийского, в присутствии губернатора в звании Камергера Высочайшего Двора П. П. Шиловского, супруга губернатора М. Н. Шиловской, попечительницы общины сестер милосердия А. В. Рылеевой, членов строительной комиссии советника Е. Н. Вахрамеева, архитектора Н. И. Горлицына, священника Алмазова, производителя работ гражданского инженера Л. А. Большакова и членов общества Красного Креста произведена закладка здания больницы при Общине Красного Креста по плану, составленному при Главном управлении архитектором В. М. Лопатыным»⁶.

У костромских кирпичников Д. Т.

Исакова, М. А. Медникова, И. Лотарева был куплен красный кирпич и кирпич-железняк.

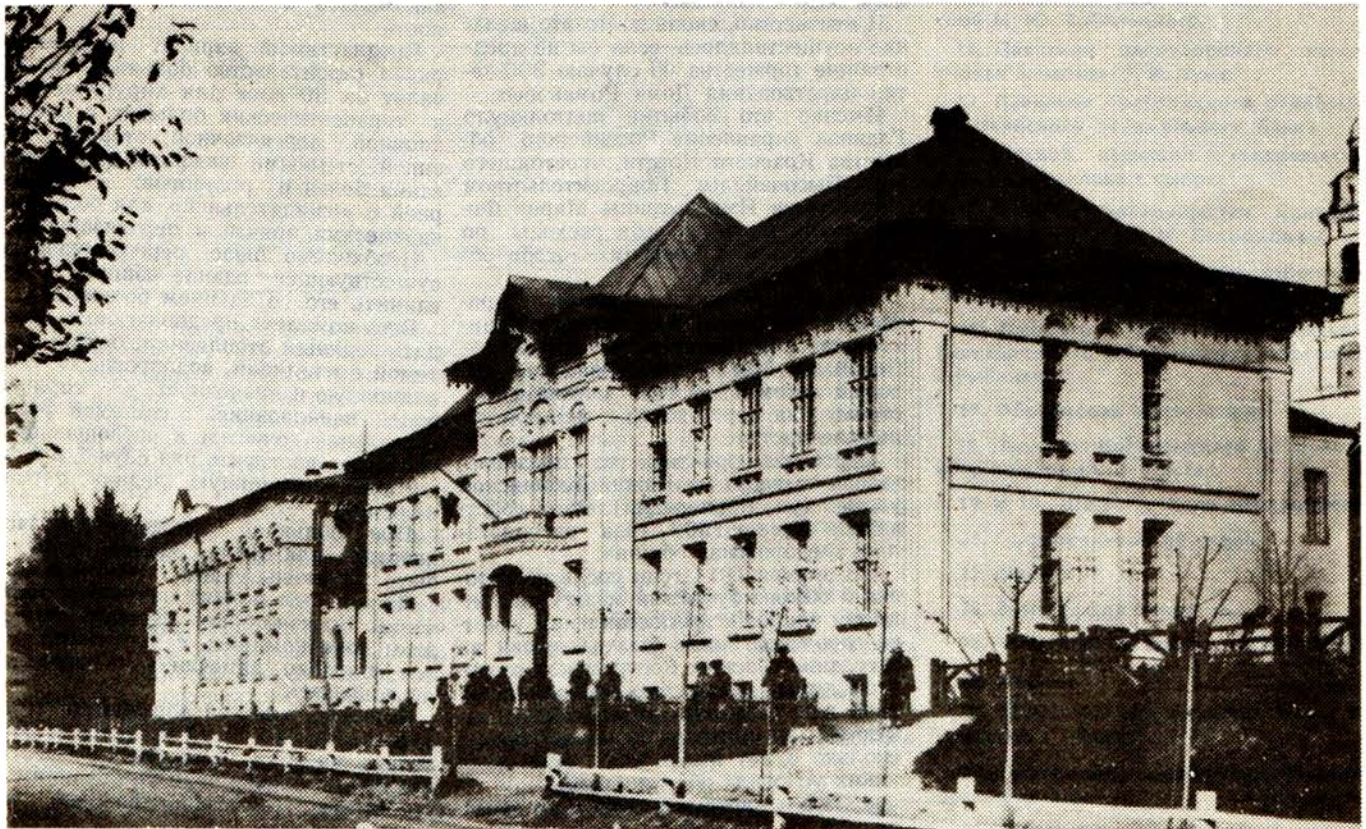
Каменную кладку взял подрядчик Н. Д. Нижкитенков с условием положить 400 тысяч кирпичей в 1911 году и столько же в 1912.

Приобрели романовский цемент у Татарникова, железные балки у Пастухова из Ярославля, кровельное железо через Московскую губернскую земскую управу, и работа закипела.

Но в конце сентября начались морозы со снегом. Кладка была прекращена. А 13 ноября строительный сезон 1911 года закончился.

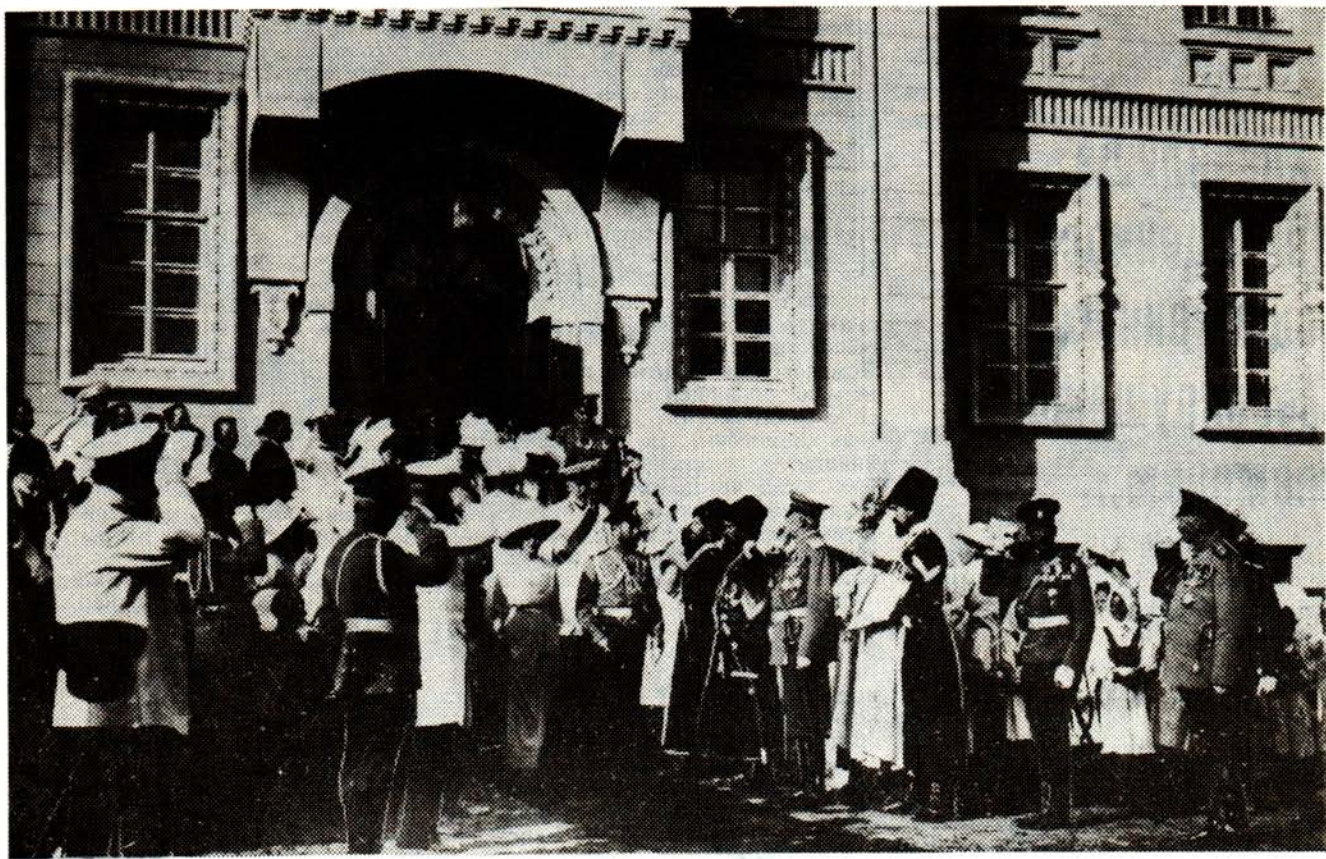
Незадолго до этого костромской губернатор получил сообщение, что 28 октября император «высочайше соизволил» присвоить сооружаемой в Костроме больнице наименование «В память 300-летия Царствования Дома Романовых»⁸.

Весной 1912 года работа на строительстве возобновилась. Состоялись торги, на которых столярные работы получил подрядчик М. Г. Фролов, бетонные — Н. М. Мыльников, малярные — М. Я. Заварин, кровельные — Д. И. Шувалов, печные — А. А. Соколов, штукатурные — Кокунин.

Федоровская община сестер милосердия, Романовская больница, 1913 г. Фото Д. И. Пряничникова.

Государь выходит из здания Романовской больницы Красного Креста. Фото К. К. Буллы.

Каждые 2 недели строительная комиссия отправляла отчеты Главному управлению. Заканчивались отчеты всегда одинаково: просьбой направить средства для расчета с подрядчиками. К тому времени предварительная сумма затрат уже удвоилась.

В апреле 1912 года была закончена кладка 1 этажа больницы, а к июлю — и всего здания.

В августе здания покрыли крышей и оштукатурили внешние стены.

В середине декабря остеклены все окна. Таким образом, к 1 января 1913 года осталось закончить внутренние штукатурные и малярные работы, навесить двери, настлать полы, установить оборудование.

Не теряя времени, попечительный совет общины составил смету на оборудование больницы в сумме 20 тысяч рублей. Община планировала устроить рентгеновский, водолечебный, электросветолечебный кабинеты, полную аптеку, лабораторию для микроскопических и бактериологических исследований. Было заявлено о желании иметь 2 постоянных врачей, терапевта и хирурга, с окладом 1500 рублей каждому, при готовой квартире заве-

дующего больницы; а также фармацевта и массажистку⁹.

Доходная статья сметы — плата кожных больных — устанавливалась в размере 2 рубля в сутки в общей палате и 3 рубля — в отдельной, что, безусловно, было довольно дорого. Понимая это, попечительный совет просил Главное управление разрешения, хотя бы на первое время, уменьшить плату.

20 мая «в обстановке торжественности и благолепия» больницу посетил приехавший на празднование 300-летия император. «выразил удовольствие» и сказал: «...Есть, где работать, работайте, господа, на пользу страждущих...»¹⁰.

Но официальное открытие больницы было приурочено к середине ноября 1913 года, дню рождения Императрицы Марии Федоровны.

Как и всегда в подобных случаях, был совершен молебен с водосвятием, посланы телеграммы Императрице, получены и торжественно зачитаны ответные.

Были речи и тосты. Новому учреждению и его деятелям желали благополучия и благодарной памяти совре-

менников и потомков в великом деле любви христианской — послужить ближнему по болезни.

И до сей поры в здании, сооруженные на бывшей Нижне-Набережной улице в начале века, приходят костромичи, чтобы облегчить свои страдания.

Присоединимся же к словам протоиерея, о. Павла Крутикова, пожелавшего, чтобы имена «адешних деятелей» (строителей и врачей) «до конца жизни сохранялись в благодарной памяти тех, кому они оберегут жизнь и здоровье»¹¹.

Ольга КИВОКУРЦЕВА.

1. «Отчет Костромского местного управления Российского общества Красного Креста за 1900 год». — Кострома. — 1901. — С. 15—16.

2. ГАКО, ф. 207, д. 6/ш 106, лл. 48—48 об.; 48 об — 49.

3. Там же.

4. Там же, л. 80.

5. ГАКО, ф. 536, оп. 1, д. 415, лл. 103—104 об.

6. ГАКО, ф. 536, оп. 1, д. 415, лл. 159.

7. ГАКО, ф. 536, оп. 1, д. 414.

8. ГАКО, ф. 536, оп. 1, д. 415, лл. 152.

9. Там же, л. 157.

10. «Поволжский вестник» (Кострома)

— 1913 — 21 ноября — № 2177 — С. 2.

11. Там же, 1913 — 17 ноября — № 2174 — С. 2.

„Хранилище драгоценностей, пощаженных всесокрушающим временем...“

21 июня 1909 г. было заложено здание Романовского музея ученой архивной комиссии в Костроме.

Произошло событие, о котором члены комиссии мечтали еще при создании ее в 1885 году. Однако поначалу у них вообще не было своего угла, а в 1891 году они обрадовались нескольким комнатам в первом этаже Дворянского собрания на Павловской — ведь это позволило положить начало созданию музея. Однако очень скоро стараниями костромских любителей древности коллекция разрослась, и ей стало тесно. Тем более что с 1896 года собирательская деятельность получила еще одно направление, в дополнение к традиционным: было принято решение об открытии Романовского отдела, посвященного истории правящей династии и связи ее с Костромским краем. Председатель комиссии, Н. Н. Селифонтов, инициатор создания этого отдела, уже тогда предлагал готовиться к грядущему юбилею 300-летия Дома Романовых. И опять встал вопрос о собственном здании, о «доме Костромской ученой архивной комиссии»...

Денег не хватало, и на помощь опять пришло костромское дворянство: оно безвозмездно выделило участок земли рядом с Дворянским собранием. К 1903 году Л. Треберт уже подготовил проект... Опять не хватило средств. Когда же в 1908 г. Г. В. Юдин, почетный член КГУАК, известный bibliофил, пожертвовал 10 тыс. рублей, губернатор и неперемный член комиссии А. П. Веретенников ходатайствовал перед городской думой, «не признает ли она возможным уступить под постройку здания музея Сенную площадь, обративши ее в городской сквер»¹.

Для просторной площади проект Треберта не годился: сух, мелковат. Новый заказали члену комиссии, городскому архитектору Н. Горлицыну. Сохранилась фотокопия: замечательный модерн, стилизованный под XVII век. Теремной принцип (каждый объем здания покрыт особой кровлей) наследовал конструктивные традиции средневековья, и не было мелочного копирования деталей декора. Это была свободная архитектурная фантазия в духе Шехтеля или Щуко.

Гласные городской думы губернатора не поддержали.

Часть площади находилась в закладе (негоже, конечно, чтобы музей-памятник попал под залог). Опять же коптящие вокруг кузницы — не лучший для него фон. Жалко было отдавать «последнее ценное место городской земли» — «прекратим городу путь к развитию и благоустройству», предлагали замену. А гласный М. Н. Зимин поверг в изумление все честное собрание, заявив, что «в Костроме и без того слишком много скверов, и костромичи задохнутся от обилия кислорода». Абсурдность это-

го довода была столь очевидна, что ему не сочли нужным возразить.

Наконец, пришли к выводу, что лучшего участка земли, чем уже пожертвованный комиссии дворянством, в Костроме не найти: «На единственно широкой улице, среди каменных зданий, подле самого почти пожарного депо, место это представляется достаточно безопасным в пожарном отношении...»². И опять Н. Горлицын предлагает несколько проектов. Пытались объявить конкурс — но опять остановились на его же варианте, который и был воплощен в жизнь. Именно это здание и заложили в 1909 году, в присутствии ведущих историков и археологов России, собравшихся в Костроме на IV областной археологический съезд.

Через министра внутренних дел П. А. Столыпина было получено разрешение императора именовать музей «Романовским» и открыть подписку для сбора средств по всей России. И всего-то капитала, когда начали строить, было 14251 руб. 50 коп. Потом стали поступать пожертвования — от купцов и фабрикантов А. И. Акатова, Н. М. Красильщикова, В. В. Коншина, А. И. Коновалова, от костромского дворянства и земства. Выделялись деньги на крестьянских сходках, поступали по подписным листам из других губерний. В русском народе всегда были сильны верноподданнические чувства. В архивную комиссию шли письма и посылки с дарами для Романовского музея.

В «Поволжском вестнике», «Костромских губернских ведомостях» и других газетах Строительная комиссия регулярно помещала отчеты о ходе работ и поступивших деньгах. В обращении к костромичам говорилось, что «всякое пожертвование хотя бы самой мелкой суммы будет принято с глубокой признательностью и навсегда останется в памяти будущих поколений, т. е. будет записано в особую книгу, предположенную к хранению в музее»³.

Строительная комиссия пристально следила, чтобы проект был внешне приближен к архитектурным формам XVII века. И все же, когда здание было в основном готово, в 1910 году газеты наполнились фельетонами: его находили уродливым, ссылались на мнение знатоков, считавших, что сходство с XVII столетием недостаточно. Однако — отступать было некуда. Местный мастер М. Г. Вахрамеев соорудил металлические решетки, «значительно поднявшие красоту всего исполнения»⁴. В конечном счете здание обошлось в 110777 руб. 11 коп. Однако открывать его не торопились: ждали юбилея, строили экспозицию, оборудование которой выполнял все тот же Н. Горлицын.

Закладка Романовского музея, июнь 1909 г. Фото В. Н. Кларка.

Открытие состоялось 19 мая 1913 года, когда музей принимал высоких гостей. Светлые торжественные залы располагали к неторопливому и вдумчивому созерцанию. Самый просторный из них был посвящен Дому Романовых — центральный, на третьем этаже: по стенам висели портреты государей и членов их семей, в шкафах, украшенных бюстами, хранились документы, книги, относящиеся к истории царственного рода. Можно было не только смотреть, но и читать, работать с документами, — и не только в этом зале.

Своеобразным продолжением Романовского зала была расположенная рядом выставка уникальной коллекции гравюр К. Н. Козырева. Костромич по рождению, директор московского коммерческого училища, он преподнес в дар новому музею все, что успел собрать за 25 лет. Экспонаты этой выставки были посвящены двум темам: истории рода Романовых

и выдающимся русским деятелям. Здесь были работы Хубракена, Райта, Матэ и других известных гравюров. Кое-что из этой коллекции сохранилось и поныне в фондах Костромского музея-заповедника.

Обширный этнографический отдел знакомил с народными костюмами и крестьянской утварью Костромской губернии. Здесь же были представлены бытовые предметы из дворянских усадеб, среди прочего были представлены вещи, принадлежавшие портетессе Ю. В. Жадовской. В церковно-историческом отделе была представлена хорошо подобранная коллекция икон, облачений, других церковных древностей, в доисторическом — материалы, извлеченные из костромских курганов. Целый зал был отдан одной из самых многочисленных коллекций КГУАК — нумизматической, которая была к открытию музея дополнена коллекцией И. А. Сахарова.

В создании экспозиции принимали

участие, главным образом, известный знаток древностей И. А. Рязановский и чиновник особых поручений при костромском губернаторе Н. Н. Виноградов.

Вот уже 80 лет стоит на Павловской улице это здание, и все годы оно было таким, каким его мечтали видеть члены Архивной комиссии — «хранилищем драгоценностей, пощажённых всеокрушающим временем, хранилищем народного искусства и разума, местом для научных исследований, школьным средством просвещения, национальным памятником»⁵.

Галина ДАВЫДОВА.

ПРИМЕЧАНИЯ.

1. Журнал заседания КГУАК 8.05. 1908 г.
2. Журнал заседания совета КГУАК № 67. 15.03.1907 г.
3. ГАКО, ф. 196, оп. 1, д. 6, л. 2.
4. Костромские губернские ведомости — 1913 г., № 1.
5. ГАКО, ф. 196, оп. 1, д. 6, л. 2.

Строительство в Костроме Романовского музея

Все приведенные ниже документы хранятся в Костромском областном архиве в фонде Строительной комиссии по возведению в Костроме Романовского музея. Они лишь в малой степени отражают (из-за недостатка места) создание музея. В подборке сохранены особенности орфографии подлинника.

ТЕКСТ НАДПИСИ НА ТАБЛИЧКЕ, ЗАЛОЖЕННОЙ В ФУНДАМЕНТ ЗДАНИЯ РОМАНОВСКОГО МУЗЕЯ

В лето от Рождества Христова 1909-го июня 21, в царствование Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича Самодержца Всероссийского в присутствии почетных членов Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссии преосвященного Тихона, епископа Костромского и Галичского, гофмейстера Бориса Владимировича Штюрмера, профессора Николая Васильевича Покровского, академика Алексея Ивановича Соболевского, непрямого попечителя комиссии Костромского Губернатора генерал-майора Алексея Порфирьевича Веретенникова, председателя комиссии кн. Александра Николаевича Оболенского, членов строительной комиссии Н. Н. Виноградова, А. И. Черницына, Л. А. Треберта, Л. А. Большакова, В. А. Андроникова, производителя работ архитектора Н. И. Горлицына и членов Архивной Комиссии и IV областного археологического съезда произведена закладка здания Романовского Музея Костромской Губернской ученой архивной комиссией.

«Поволжский вестник» [Кострома]. — 1909.—21 июня.—№ 922.

ХОДАТАЙСТВО
КОСТРОМСКОГО
ГУБЕРНАТОРА
А. П. ВЕРЕТЕННИКОВА
МИНИСТРУ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
П. А. СТОЛЫПИНУ
О НАЗВАНИИ БУДУЩЕГО
МУЗЕЯ «РОМАНОВСКИМ»

5 мая 1908 г.

При Костромской Губернской Ученой Архивной Комиссии в 1897 г. с Высочайшего Его Императорского Величества соизволения учрежден «Романовский стдел» архива и библиотеки Комиссии для собрания, хранения и издания разного рода материалов по истории предков ныне благополучно царствующего Дома Романовых.

Отдел этот в настоящее время занимает весьма тесное помещение в доме местного дворянства.

Озабочиваясь ныне, ввиду предстоящего в 1913 г. 300-летнего юбилея избрания на царство Михаила Федоровича Романова, устройством особого для се-

го Отдела здания [...], Костромская Архивная Комиссия на общем Собрании своих членов 3 сего Мая постановила ходатайствовать о присвоении проектируемому зданию наименования «Романовский музей».

Вполне присоединяясь к означенному постановлению Архивной Комиссии [...], я позволяю себе ходатайствовать пред Вашим Высокопревосходительством об испрошении Высочайшего Его Императорского Величества соизволения на присвоение вышеуказанному зданию музея наименования «Романовский музей».

Подлинное подписал Губернатор, Генерал-Майор Веретенников.

ГАКО, ф. 196, оп. 1, д. 3, л. 1. Копия.

ИЗ УВЕДОМЛЕНИЯ ДЕПАРТАМЕНТА ОБЩИХ ДЕЛ МВД КОСТРОМСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ

17 сентября 1908 г.

[...] ходатайство Костромской Архивной Комиссии о присвоении проектируемому ею зданию наименования «Романовский музей» было представлено Министром Императорского Двора на Высочайшее благоусмотрение, и на удовлетворение сего ходатайства послужило Высочайшее соизволение.

Вместе с сим Его Императорскому Величеству благоугодно было выразить принципиально Свое Августейшее соизволение пожертвовать какую-либо сумму от Монарших щедрот для упомянутого музея. [...]

И. д. Правителя Канцелярии. (Подпись неразборчива).

ГАКО, ф. 196, оп. 1, д. 3, л. 6. Заверенная копия.

ИЗ ЖУРНАЛА ЗАСЕДАНИЙ КОСТРОМСКОГО ДВОРЯНСКОГО ДЕПУТАТСКОГО СОБРАНИЯ

17 января 1909 г.

Собрание гг. Предводителей и Депутатов Дворянства, рассмотрев вопрос об отводе [земли] под здание Музея Архивной Комиссии [...] постановило: предоставить Архивной Комиссии 20 саж. по лицу Павловской улицы от дома Касаткина и 15 саж. вглубь двора с обязательством со стороны Архивной Комиссии разбить сад на всей свободной от здания музея земле [...]. Здание должно быть возведено в пятилетний с 27 мая 1908 года срок. Отведенная земля должна оставаться собственностью

Дворянства и предоставляется Архивной Комиссии доколе на ней помещается указанное ею здание, всецело занятое «Романовским Музеем». Повинности и ремонт тротуаров и мостовой относятся на счет Комиссии. [...]

С подлинным верно: Губернский Предводитель Дворянства М. Зузин.

ГАКО, ф. 196, оп. 1, д. 9, л. 4. Подлинник.

ИЗ ПИСЬМА Г. В. ЮДИНА КОСТРОМСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ П. П. ШИЛОВСКОМУ

26 декабря 1910 г.

Ваше Превосходительство!

Многоуважаемый Петр Петрович!

[...] Что же относится до предложенного Вами доклада Государю Императору о моем участии в деле постройки, то я усердно просил бы [...] сопроводить доклад ходатайством о награждении меня чином статского советника, так как пожалование ордена Св. Владимира 3-й степени едва ли будет возможно ввиду ограничительного по моему званию закона.

Удовлетворительный результат названного ходатайства вызовет с моей стороны продолжение посильного участия к окончанию постройки. [...]

С совершенным почтением и преданностью

Г. В. Юдин.

26 декабря 1910 г.

Сочи Черноморской губернии

ГАКО, ф. 196, оп. 1, д. 9, л. 15. Зверенная копия.

ИЗ ПИСЬМА СЕКРЕТАРЯ ГУБЕРНСКОГО ПРЕДВОДИТЕЛЯ ДВОРЯНСТВА И. А. МОЛЧАНОВА В РОМАНОВСКИЙ МУЗЕЙ

9 июля 1913 г.

При сем имею честь представить срок одну серебряную монету [копейки] времен царствования Михаила Федоровича, пожертвованные для Романовского музея Костромским купцом Степаном Николаевичем Прянишниковым, Церковным старостой Костромского Кафедрального Успенского собора. [...]

Член Костромской губернской архивной комиссии

Молчанов

9 июля 1913 г.

ГАКО, ф. 196, оп. 1, д. 32, л. 41. Подлинник.

**ИЗ ИЗВЕЩЕНИЯ
КОСТРОМСКОГО
ГУБЕРНСКОГО
ПРЕДВОДИТЕЛЯ
ДВОРЯНСТВА
В КОСТРОМСКУЮ
ГУБЕРНСКУЮ
УЧЕНУЮ АРХИВНУЮ
КОМИССИЮ**

8 октября 1911 г.

Костромское Дворянство в очередном губернском дворянском Собрании 30 Января сего года [...] постановило ассигновать две тысячи рублей на достройку Романовского Музея, которые должны быть собраны путем обложения земли и недвижимости в городах потомственных дворян в трехлетие 1911—1913 гг. [...]

Губернский Предводитель Дворянства М. Зузин.

ГАКО, ф. 196, оп. 1, д. 9, л. 22. Подлинник.

**ИЗ УВЕДОМЛЕНИЯ
КОСТРОМСКОЙ
ГУБЕРНСКОЙ ЗЕМСКОЙ
УПРАВЫ
КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ
УЧЕНОЙ АРХИВНОЙ
КОМИССИИ**

2 марта 1911 г.

Губернское Земское Собрание [...] постановило: ассигновать на постройку Музея три тысячи рублей [...]

Член Управы Апушкин
ГАКО, ф. 196, оп. 1, д. 9, л. 13. Подлинник.

**ИЗ УВЕДОМЛЕНИЯ И. Д.
УПРАВЛЯЮЩЕГО
КАБИНЕТОМ
ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО
ВЕЛИЧЕСТВА
КОСТРОМСКОМУ
ГУБЕРНАТОРУ
П. П. ШИЛОВСКОМУ**

21 ноября 1912 г.

Милостивый государь
Петр Петрович.

Государь Император по всеподданнейшему докладу Министра Императорского Двора, Высочайше повелеть соизволил отпустить тридцать пять тысяч [35000] руб. на окончание внутреннего

устройства и внутренней отделки Романовского музея и на меблировку этого здания, а также на некоторые работы по внешней отделке, необходимые для открытия музея. [...]

Е. Волков.

ГАКО, ф. 196, оп. 1, д. 32, л. 28. Подлинник.

**БЛАГОДАРСТВЕННОЕ
ПИСЬМО КОСТРОМСКОГО
ГУБЕРНАТОРА
А. А. МЕДВЕДЕВОЙ**

6 сентября 1912 г.

Милостивая государыня
Анна Антроповна!

Считаю долгом выразить Вам от имени Архивной Комиссии искреннюю благодарность за пожертвованную Вами в Романовский музей старинную икону.

Подлинное подписал П. П. Шиловский.

ГАКО, ф. 196, оп. 1, д. 32, л. 18. Заверенная копия.

**ИЗ ПИСЬМА
НИЖЕГОРОДСКОГО
ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРА
С. И. БИРЮКОВА
КОСТРОМСКОМУ
ГУБЕРНАТОРУ
П. П. ШИЛОВСКОМУ**

30 октября 1912 г.

Многоуважаемый

Петр Петрович!

[...] хорошо бы в новом Романовском музее иметь хорошие бюсты Русских Императоров и Императриц работы Императорского фарфорового завода. Я списался с моею кузиною Анфисою Николаевной Ратьковой-Рожновой, которая служит на заводе хранительницей Императорской кладовой, и она мне сообщила, что у них имеются прекрасной работы следующие бюсты бисквитного фарфора: Петра I, Екатерины I, Елизаветы Петровны, Николая I, Александра I, Александра II, Александра III и ныне благополучно царствующего Государя Императора Николая Александровича. Все эти бюсты, по словам моей кузины, можно получить музею в дар, если только Вам угодно будет официально снести с заводом и просить безвозмездно отпустить эти бюсты в ознаменование 300-летнего юбилея и открытия музея в новом роскошном помещении. [...]

Готовый к услугам С. Бирюков.

ГАКО, ф. 196, оп. 1, д. 32, л. 5. Подлинник.

**ИЗ ПИСЬМА ДИРЕКТОРОВ
ТОВАРИЩЕСТВА БОЛЬШОЙ
КОСТРОМСКОЙ ЛЬНЯНОЙ
МАНУФАКТУРЫ
С. ТРЕТЬЯКОВА
И В. КОНШИНА
КОСТРОМСКОМУ
ГУБЕРНАТОРУ
П. П. СТРЕМОУХОВУ**

Москва, 8 апреля 1913 г.

Ваше Превосходительство.

Правление Товарищества Большой Костромской Льяной Мануфактуры приобрело в собственность картину «Иван Сусанин», написанную г. Порфириевым. Правление Товарищества желало бы принести эту картину в дар сооружаемому под Вашим руководством «Историческому Музею в память 300-летия Дома Романовых» и тем способствовать посылке украшению названного Музея. Картина будет доставлена в г. Кострому не позднее 15-го мая с. г. [...]

Примите уверения в совершенном почтении и преданности

Т-во Большой Костромской Льяной М-ры преемники Т. /Д. П. и С. Бр. Третьяковы и В. Коншин.

Директор: С. Третьяков.
В. В. Коншин.

ГАКО, ф. 196, оп. 1, д. 32, л. 56. Подлинник.

**ИЗ ПРИГОВОРА ВОЛОСТНОГО
СХОДА КРЕСТЬЯН
ПАЛОМСКОЙ ВОЛОСТИ
КОЛОГРИВСКОГО УЕЗДА
КОСТРОМСКОЙ ГУБЕРНИИ**

1911 года июля 29 дня. Мы, нижеподписавшиеся должностные лица волостного и сельского управлений и выборные крестьяне разных деревень [...] в числе 58 из 79 выборных, имеющих право голоса на сходе, [...] проникнуты желанием со своей стороны внести посылку лепту на упоминание столь великого события для России вообще и для Костромской губернии как колыхания Дома Романовых в особенности и чувствами преданности к ныне благополучно царствующему Государю Императору, приговорили: 1-е, ассигновать из свободной сумм волости 10 рублей на постройку Романовского Музея. [...]

К сему приговору подписуемся выборные. Председатель суда. Волостные судьи. Сельские старосты обществ. Волостной старшина.

ГАКО, ф. 196, оп. 1, д. 9, л. 17—18. Подлинник.

ПАМЯТНИК, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

События, о которых пойдет речь, начали развиваться в 1903 г. До празднования 300-летия Царствующего Дома оставалось еще долгих 10 лет, а верноподданные его уже искали способы увековечить это событие.

Модель памятника по проекту А. И. Адамсона.

Не позднее апреля 1903 г. костромской городской голова Г. Н. Ботников предложил соорудить в Костроме памятник. Городская дума поддержала эту идею. За советом обратились к историку И. Е. Забелину и художнику В. М. Васнецову, которые и указали на место бывшего Кремля, где в начале 17 века находился осадный двор бояр Романовых. Местность эта на берегу Волги, близ Успенского кафедрального собора, значилась по плану г. Костромы как площадь и состояла в фактическом владении города.

В первую очередь необходимо было изыскать средства на строительство. 14 тысяч рублей предложили местные промышленники В. А. и А. А.

Зотовы, Н. К. Кашин, И. М. и М. М. Чумаковы, И. Я. Аристов, А. В. Королев и Г. Н. Ботников. В ноябре 1903 г. откликнулось костромское дворянство и решило внести свою лепту. Помимо этого в мае городская дума постановила ходатайствовать перед правительством о разрешении проведения Всероссийской подписки по сбору пожертвований.

Но русско-японская война, первая русская революция отодвинули идею подготовки юбилея на второй план.

Вероятно, в конце 1908 г. Г. Н. Ботников вновь обратился в Министерство внутренних дел, в результате чего 13 января 1909 г. Высочайшим соизволением был образован Особый

комитет для заведования Всероссийской подпоземной на сооружение в г. Костроме памятника 300-летия Дома Романовых.

Работа его началась 9 мая 1909 г. и продолжалась до ноября 1917 г. На протяжении всех лет комитет возглавлялся костромским губернатором¹ (в 1917 г. — губернским комиссаром).

Вот первый состав комитета: губернатор А. П. Веретенников, Епископ Костромской и Галичский Тихон, губернский предводитель дворянства М. Н. Зузин, вице-губернатор князь Оболенский, костромской уездный предводитель дворянства И. С. Иванов, представители дворянства — А. М. Григоров и В. А. Потехин, представители губернского земства — Г. П. Ротаст и А. Д. Рассадин, костромской городской голова Г. Н. Ботников, представители от Костромы — Л. П. Скворцов и И. М. Чумаков, от губернской научной архивной комиссии — Н. Н. Шамонин и сельский староста села Коробова² Б. Н. Соловьев.

В компетенцию комитета входил не только сбор средств, но и организация всех работ, связанных с сооружением памятника.

Дискутировался и самый вопрос: что должен представлять собой памятник? Должен ли это быть монумент или, может быть, храм или учреждение, допустим, семинария. Лишь в ноябре 1909 г. комитет окончательно решил: быть памятнику-монументу.

Одновременно происходили и поиски места для постановки памятника. Губернатор на очередном заседании Особого комитета предложил к баллотировке четыре участка: Стрелку (место слияния р. Волги и р. Костромы), крутой склон близ кафедрального собора, участок на маленьком бульваре, занимаемый беседкой, и Леонтьевский сквер на Сусанинской площади, на который и пал первоначальный выбор.

Запротестовала городская дума. Дело в том, что Сусанинская площадь уже была занята двумя памятниками: часовней в память мученической кончины императора Александра II и памятником Ивану Сусанину. Единственное мнение думы — видеть памятник на площади близ Успенского кафедрального собора. На заседании 12 января 1910 г. даже было решено «отстаивать свои мысли, свою идею до последней капли крови... Надо, чтобы и памятник смотрел на Волгу, и чтобы Волга смотрела на него...»³.

Решено было пригласить для консультации в Кострому авторитетных художников, архитекторов и скульпторов: Г. И. Котова, В. А. Беклемишева, Л. П. Бенуа, В. М. Васнецова и А. М. Опекушина. Все они, кроме В. М. Васнецова (он прислал письмо, в котором указал причину своего неприятия и подтвердил выбор, сделан-

ный еще в 1903 г.), прибыли в июле 1910 г. Вновь было принято «окончательное» заключение: памятник лучше всего поставить «в сквере, так называемом маленьком бульваре, со старинным насыпным валом с западной его части, обсаженным и образующим аллею. Аллея эта тянется с севера на юг перпендикулярно р. Волге и заканчивается круглой беседкой...»⁴.

Академия художеств объявила Всероссийский конкурс на составление проекта памятника. Одновременно в Костроме комитет производит почвенные изыскания насыпного вала. При этом выясняется, что для возведения монумента потребовалось бы произвести работы по укреплению грунта стоимостью в 200—300 тыс. руб., т. е. израсходовать сумму, равную полученной по подписке к 1911 г.

Вновь возникает вопрос — где соорудить памятник?

Тем временем конкурс подошел к завершению. 29 сентября 1911 г. в Петербурге, в Манеже при первом кадетском корпусе открылась выставка проектов и моделей памятника 300-летия царствования Дома Романовых. Накануне жюри, состоявшее из 3 представителей Особого комитета и 6 — Академии художеств, удостоило первой премии проект с девизом «Мир» пяти молодых скульпторов: Л. Сологуба, Реевсона, В. Барта, А. Рухляева и С. Овсянникова. Газета «Наша Костромская жизнь» так описывала его: «На берегу Волги... возвышается подобие исполинского обелиска, суживающегося кверху. На его поверхности расположены овальными медальонами барельефные портреты всей династии...»⁵.

Вторая премия досталась проекту под девизом: «Воздадите Кесарево Кесарю, Божие Богу» академика А. И. Адамсона. Третью премию присудили проекту под девизом «Монарх» художника Курбатова.

Костромичи сразу же отдали предпочтение проекту А. И. Адамсона и, забегая вперед, скажу, что остались верны этому выбору, несмотря на все противодействие Академии художеств.

Адамсон Амантус Генрих (или Аммон Иванович) родился в 1855 г. в Ууга-Рягсепе (д. Гункас) у Пальдиски близ Таллина, учился в Петербургской Академии художеств (1874—1879), преподавал. В 1886—1891 гг. работал в Париже. С 1907 г. — академик Петербургской Академии художеств. Наиболее известные его работы: памятник погибшим морякам броненосца «Русалка» (1902 г., Таллин), памятник затоплению кораблей Черноморской Эскадры во время Крымской войны (Севастополь), бронзовые украшения Троицкого моста (1903 г.), декоративные фигуры на Дворе книги

А. И. Адамсон.

(Петербург) и др. Умер А. И. Адамсон в 1929 г. в родном Пальдиски⁶.

В ноябре 1911 г. (с 8 по 25) в Костромском Дворянском собрании проводилась выставка-конкурс моделей памятника. За осуществление проекта, удостоенного второй премии, было подано наибольшее количество голосов — 858 (за первую премию — 166, за третью — 13). Это только укрепило комитет в его первоначальном решении, и он единогласно высказался за осуществление проекта А. И. Адамсона. И «к предложению академика Адамсона о постановке памятника на соборной площади комитет присоединился единогласно»⁷ и на сей раз окончательно.

Академия художеств, чье одобрение необходимо было получить для того, чтобы «повергнуть на Высочайшее Государя Императора благоволение выбранный... комитетом проект памятника...»⁸, считала проект А. И. Адамсона нежелательным. Рассмотрев в марте 1912 г. переработанный проект, Академия нашла, что с художественной стороны он остался таким же несовершенным, каким был и прежде, «в нем хорошо исполнены лишь отдельные изваяния, но общее очертание неспокойно, в проекте отсутствуют центр и единство идеи»⁹. Ставился даже вопрос об объявлении нового конкурса.

Развернулась газетная полемика. В костромской прессе в 1911—1912 гг. то и дело печатались статьи за проект А. И. Адамсона и против него.

Переписка с Академией и министром внутренних дел А. А. Макаровым завершилась последовавшим 27 июля 1912 г. Высочайшим Их Императорских Величеств утверждением проекта памятника 300-летия царствования Дома Романовых для сооружения в Костроме. Окончательное же одобрение было получено лишь в ноябре 1912 г.

Запись на мѣста трибунъ у мѣста закладки памятника

будеть продолжаться до 10 мая,
лица желающіе получить о наченныя мѣста
благоволять заявить о томъ Костромской Го-
родской Управѣ въ присутственное время съ
указаніемъ свѣдѣній о своемъ званіи, адреса и
съ представленіемъ платы.

Цѣны на мѣста отъ 6 до 10 руб. за мѣсто.

Тогда же Высочайше был разрешен бесплатный провоз фигур и гранита и выделено безвозмездно из артиллерийских учреждений Варшавского военного округа 5000 пудов меди — бронзы в орудиях.

В результате изменений, внесенных в проект, «уничтожена часовня в памятнике, удалены были бытовые группы, уменьшено количество фигур...»¹⁰. В первоначальном варианте их было более 50 — осталось 26.

Каждую фигуру принимала комиссия от комитета. Чтобы дать представление о том, как это происходило, приведем отрывок из письма костромского губернатора П. Стремоухова

А. И. Адамсону (октябрь 1913 г): «Фигуру князя Пожарского просить художника Адамсона несколько изменить, прося придать ему выражение большей энергии и мужества. Фигуру инокини Марфы изменить в лице, приблизив его к имеющемуся портрету... и, по возможности, уменьшить рост»¹¹. Большое значение придавалось тому, чтобы статуи на памятнике отличались исторической достоверностью вплоть до мельчайших деталей мундиров и одеяний соответствующего времени.

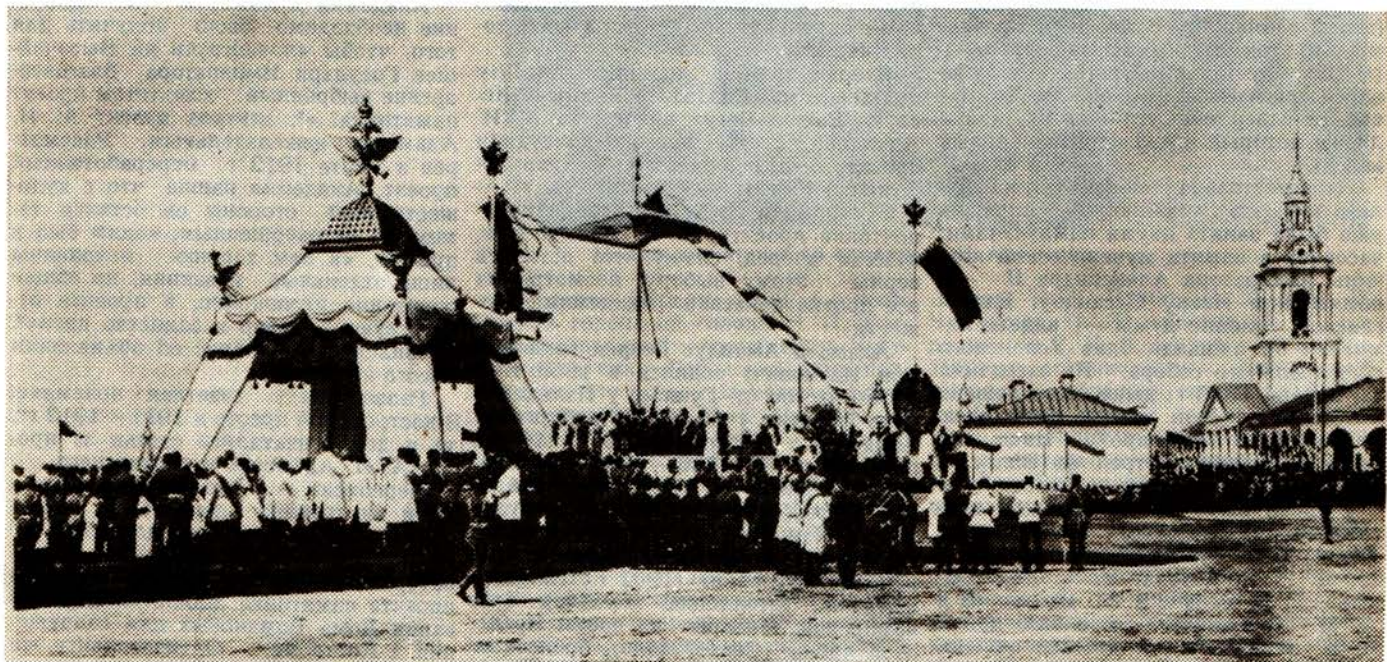
Краткое описание модели памятника по проекту академика А. И. Адамсона. Памятник должен был предста-

влять собой пьедестал, высотой в 17 сажень¹², по уступам которого размещались фигуры представителей царствующего Дома. Сквозная верхняя часть пьедестала заканчивалась шатровым покрытием с украшениями в стиле XVII в. Памятник имел два главных фасада и две главных группы фигур. Первая — Михаила Федоровича Романова, сидящего на Царском месте, инокини Марфы Иоанновны и патриарха Филарета. У подножия Царского места — Иван Сусанин и Россия, по сторонам Минин и Пожарский. Вторая группа — Николая II и наследника цесаревича, рассматривающих карту Российской империи.

Кроме того, на пьедестале расположены были фигуры царственных особ династии. Нижнюю часть украшали барельефы, изображающие предсказание преподобным Геннадием Костромским о возвышении Дома Романовых, призвание Михаила на царство, освобождение крестьян от крепостной зависимости, затем Полтавскую и Бородинскую битвы и осаду Севастополя.

Договор с академиком А. И. Адамсоном был заключен в августе 1912 г. Тогда же подписаны и договоры с петербургской фирмой К. Ф. Верфель, отливающей бронзовые фигуры, и с уполномоченным акционерного общества «Гранит» Э. И. Гедманом, принявшим на себя изготовление облицовки памятника из красного гангеутского гранита. Все работы должны были быть выполнены в течение трех лет, т. е. к 1915 г.

К приезду в Кострому император-

На месте закладки памятника 300-летия Дома Романовых. Фото К. К. Буллы.

ской семьи фундаментом памятника был возведен и облицован гранитом. На площади перед собором, на возвышенном деревянном помосте поставили царский шатер, задрапированный коврами и убранный национальными трехцветными флагами.

Закладка памятника произошла 20 мая 1913 г. К сожалению, за неимением места, нет возможности подробно описать это событие. Когда царская семья вошла в шатер, а вокруг шатра разместились особы императорской фамилии, придворные дамы в изящных белых туалетах, лица свиты, публика (согласно церемониалу), начался водосвятный молебен, затем зачитан был текст закладной доски. Государь Император, Государыня Императрица, наследник цесаревич и другие высочайшие особы олустили в углубление, сделанное на месте закладки, юбилейные закладные рубли, а затем и именные закладные кирпичи. Рабочие, по мере надобности, тотчас же заливали кирпичи цементом, а поверх всего уложили большую каменную плиту, освященную архиепископом Тихоном.

При посещении губернаторского дома Николай II осмотрел выполненные в бронзе три скульптуры (см. фото) и выслушал пояснения автора.

Казалось бы, теперь не могло возникнуть никаких затруднений. Но нет. В 1915 г. памятник не был открыт, не был он открыт ни в 1916, ни в 1917 г., не был открыт вообще. Что более помешало — начавшаяся ли в 1914 г. первая мировая война или необходимость исполнителей, теперь трудно сказать. Сам А. И. Адамсон в ноябре 1914 г. так объясняет задержку: «Не скрою, что наступившие, вследствие войны, чрезвычайные обстоятельства в значительной мере отозвались и на моей работе, главным образом, вследствие призыва на военную службу моих испытанных и опытных рабочих по литью и формовке... Задержки... происходили также и вследствие ряда запозданий приемных комиссий для обозрения готовых фигур...»¹⁸. Подводила и фирма Верфеля, не поспевавшая за скульптором в изготовлении бронзовых фигур. И, наконец, болезнь самого А. И. Адамсона, лишившая его всякой возможности работать. Дороже обходилось и изготовление фигур памятника. По подсчетам его автора, в 1917 г. себестоимость одной статуи увеличилась с 1900 руб. до 5700 руб.

Тем не менее, к сентябрю 1916 г. из 26 статуй (по проекту) скульптором было исполнено 20, не считая барельефов, эмблем, гербов, орнаментов и прочих украшений.

22 марта 1917 г. А. И. Адамсон получил телеграмму от Особого комитета, предписывающую приостановить скульптурные работы. (В самом деле,

кому нужен памятник свергнутой династии?) Он был в отчаянии — обратился в Кострому с просьбой выплатить, в качестве неустойки, 50000 руб. (остаток определенной договором суммы) и сохранить отлитые в бронзе скульптуры.

Сам Особый комитет существовал еще в ноябре 1917 г. Но даже тогда была надежда, что его не ликвидирует новая власть. Когда в ноябре костромская продовольственная управа обратилась с просьбой к Костромскому губернскому комиссару Временного правительства (несмотря на то, что самого правительства уже не существовало) как к председателю Особого комитета по постройке памятника

Дому Романовых о предоставлении ей ссуды в размере 300000 руб., то долг председатель управы обязался вернуть к 1 августа 1918 г.

Ставился вопрос о продаже оставшейся в Петрограде бронзы. Его поднимали и фирма Верфель и Член Особого комитета П. П. Шиловский, опасавшийся, что, в случае захвата города немцами, она может быть использована ими как стратегический материал.

По воспоминаниям очевидцев, возле постаментов долгое время, до 1920 гг., лежали ящики, в которых хранились бронзовые скульптуры. Затем их отправили на переплавку на завод Пло (нынешний «Рабочий металл»).

ПАМЯТНИК ВОЖДУ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

В день 10-й годовщины Октября в Костроме будет открыт памятник тов. Ленину.

Старый постамент, который послужит основанием для памятника тов. Ленину. Верхняя часть постамента будет снята. Кроме того, частично будут уничтожены и рельефы арки.

Приблизительная компоновка фигуры т. Ленина, которая будет воздвигнута на постаменте в городском саду.

Статуя уже заказана.

В фонд памятника тов.

лист»). Так закончилась история собственно памятника 300-летия царствования Дома Романовых в Костроме. Лариса КОВАЛЕВА.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Костромские губернаторы, бывшие председателями Особого комитета: А. П. Веретенников (1906—1909 гг.), П. П. Шилловский (с февраля 1910 по 12 янв. 1912 г.), П. П. Стремоухов (с 14 янв. 1913), А. П. Мякинин (1915 г.), И. В. Хозинков (1916 — февраль 1917 г.).
2. Село Коробово Семеновской волости Костромской губернии — село, дарованное Михаилом Федоровичем Романовым в 1633 г. потомкам Ивана Сусанина.
3. ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 51.
4. ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 4, л. 32.
5. Присуждение премий за проекты памятника в память 300-летия Дома Романовых. //Наша Костромская жизнь. — 1911. — 1 октября.
6. Художники народов СССР: Библиографический словарь. — т. I (ААВИК — БОЙКО). — М.: Искусство, 1970. — с. 55—57.
7. ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 11, л. 29.
8. ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 125.
9. ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 126 об.
10. ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 134 об.
11. ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 25—25 об.
12. Сажень — русская мера длины — 2,1336 м.
13. ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 113.

Сооружение памятника: подборка документов

Из журналов заседаний Особого Комитета, образованного по Всеподданнейшему докладу Министра Внутренних Дел с Высочайшего Государя Императора соизволения по открытию Всероссийской подписки на предмет сооружения в городе Костроме памятника в ознаменование наступающего в 1913 году 300-летия царствования Дома Романовых.

22 ноября 1909 г.

Постановили:

5. Построить памятник-монумент в сквере [Леонтьевском] или Сусанинской площади.
 6. [...] Просить Императорскую Академию художеств принять на себя распоряжения по объявлению Всероссийского конкурса и премированию проекта.
- ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 11, л. 12об.—13. Подлинник.
- 2 июля 1910 г.
На заседание прибыли: [...] и худож-

ники А. М. Опекушин, Л. Н. Бенуа, Г. И. Котов, В. А. Беклемишев.

[...] По предложению г. председателя художники высказали свое мнение относительно выбора места. В разрешении этого вопроса она оказались солидарны и выбрали место, где ныне находится «Волжская беседка» [...]

ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 11, л. 19. Подлинник.

17 декабря 1911 г.

[...] Были оглашены данные голосования, произведенного на выставке проектов памятника и давшего в первый день выставки: за осуществление проекта Сологуба и др. [обелиск] — 26 голосов, за проект Адамсона — 91 голос, в последующие дни: за памятник-обелиск — 140 голосов и за проект Адамсона — 767 голосов.

По ознакомлении с данными сметы, представленной академиком Адамсоном на общую сумму 459600 руб., Комитет единогласно высказался за осуществление проекта Адамсона. [...]

ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 11, л. 29. Подлинник.

7 августа 1912 г.

По открытии заседания председатель сообщил о последовавшем Высочайшем Их Императорских Величеств утверждении переработанного академиком Адамсоном проекта памятника 300-летия царствования Дома Романовых [...], и высказался за необходимость немедленно приступить к самой энергичной работе для осуществления памятника.

ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 11, л. 34. Подлинник.

13 мая 1913 г.

[...] При закладке понадобятся следующие предметы: серебряный молоток и лопатка, выписанные из Петербурга, стоимостью в 180 руб., 40 мраморных кирпичиков с именной гравировкой для Их Императорских Величеств, лиц Императорской Фамилии, Его Высокопреосвященства Архиепископа Костромского и Галичского и Костромского Губернатора — 600 руб., мраморная плита для покрытия кирпичиков — стоимостью 25 руб., металлическая доска с соответствующим выгравированным текстом — 50 руб. [...]

ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 11, л. 50. Подлинник.

Из Всеподданнейшего доклада Министра Внутренних Дел П. А. Столыпина о предложении сооружения в Костроме памятника 300-летия Царствования Дома Романовых.

12 января 1909 г.

[...] Признавая, и со своей стороны, весьма желательным сооружение означенного памятника и открытке Всероссийского сбора пожертвований на эту

цель, я полагаю бы соответственным образовать для заведывания этим делом Особого комитета под председательством Костромского губернатора. [...]

Об изложенном всеподданнейшим докладом поставлю повергнуть на Всемилоушнейшее Вашего Императорского Величества благовоззрение.

Подлинник подписал: Министр Внутренних Дел Статс-Секретарь Столыпин. Вверху документа помета: На подлинном написано: «Собственно Его Величества рукою начертано: «Съ» [согласен] 13-го января 1909 г. В Царском Селе. Статс-Секретарь Столыпин».

ГАКО, ф. 175, оп. 2, л. 31—31об. Заведенная копия.

Из проекта объявления о конкурсе на составление эскизов проекта памятника, проводимом Императорской Академией художеств.

12 октября 1910 г.

§1. В конкурсе могут участвовать только русские художники.

§2. Памятник будет поставлен в г. Костроме на берегу Волги. [...]

Место это представляет собою выдвигающуюся небольшим хребтом к берегу Волги возвышенность [ныне занятую беседкою], расположенную перед собором. Это место подходит близко к берегу реки и у подножия затопляемо весеннею водою. Памятник будет виден при подходе к городу как со стороны низовой, так и верховой части реки [...]

§3. Памятник должен достойно ознаменовать 300-летие царствования Дома Романовых. Художнику предоставляется полная свобода, каким способом достигнуть такой задачи, будь это скульптурное или архитектурное произведение.

§4. На сооружение памятника можно рассчитывать до 500000 рублей.

§6. Проекты, как в моделях, так и в рисунках должны быть представлены в манеж рядом с Первым кадетским корпусом [СПб. Университетская набережная, № 13], 26 сентября 1911 г., к 3 час. дня [...]

§7. На проектах вместо имени автора должен быть помещен девиз или условный знак [...]

§9. За лучшие проекты будут выданы три премии: первая в 2000 рублей, вторая в 1500 руб., третья в 1000 руб.

§11. Премирование проектов будет производиться особым жюри [...]: академиком скульптуры Р. Р. Баха, профессора архитектуры Л. Н. Бенуа, академика живописи М. Н. Боткина, академика скульптуры Г. Р. Залемана, профессора живописи В. Е. Маковского, академика архитектуры М. Т. Преображенского и трех лиц от Особого комитета, по просьбе кого объявляется конкурс.

ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 4, л. 34—35. Копия.

ИЗ ЗАЯВЛЕНИЯ АКАДЕМИКА А. И. АДАМСОНА В ОСОБЫЙ КОМИТЕТ

14 апреля 1917 г.

[...] Я, со своей стороны, [...] с исключительной добросовестностью художника и работника исполнял взятые на себя перед Комитетом обязанности. [...] Материалы, как-то: гипс, глина, железо и все остальное возросли в цене на несколько раз, рабочим силам мне приходилось платить в четыре раза дороже во время войны.

[...] Развернувшиеся в феврале месяце события¹ отстранили возможность и допустимость постановки памятника бывшей династии. Согласно телеграмме комитета я приостановил работы, но предо мной ныне стали открытыми два вопроса [...]:

1) Прервание по вине исторических событий моей громадной работы [...] поставило меня внезапно перед перспективой абсолютной безработицы и абсолютного неимения средств к жизни.

2) Сделанные... династического отношения, имеют — я смею думать — и некоторый художественный интерес, и просто уничтожение их было бы, все же, актом высоко оскорбительным для меня лично и вообще для всех деятелей на поприще художеств. [...]

Академик скульптуры

А. И. Адамсон.

ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 20, л. 160—160об. Подлинник.

ИЗ ПИСЬМА КОСТРОМСКОГО ГУБЕРНАТОРА П. П. ШИЛОВСКОГО МИНИСТРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

А. А. МАКАРОВУ

20 июля 1912 г.

Ваше Высокопревосходительство. Милостивый государь Александр Александрович.

[...] Осенью 1910 г.⁵ Академией художеств премированы были 3 проекта памятников [...], но затем, когда Костромской Комитет, Дворянство и Земское Собрание высказались за исполнение группы Адамсона, — Академия решительно заявила о недопустимости исполнения группы Адамсона и о бесхудожественности сего произведения, хотя сама же за несколько до того месяцев присудила ему вторую премию [...]

Под влиянием общественной критики, замечаний Академии, и в создании о необходимости понизить цену исполнения заказа, академик Адамсон ныне вновь переработал проект, представив новую модель с меньшим числом фигур и изваяний, заявил ходатайство о новом рассмотрении его проекта.

Если дать этому новому ходатайству опять формальное направление [...], то можно рассчитывать, что лишь через год-полтора вопрос будет в какую-либо сторону разрешен [...]. Год длился первый конкурс, год пререкания: возобновлять тот же порядок значит ставить дело в явно безнадежное положение к глубокой скорби населения законопослушного и верноподданного.

[...] Я пришел к единственному выводу, что в настоящем случае нет иного исхода, как вознесение всего дела со всеми сопровождающими обстоятельствами на непосредственное благовоззрение Его Императорского Величества. [...]

ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 2, л. 130—131 об. Отпуск.

ИЗ ДОГОВОРА ОСОБОГО КОМИТЕТА С АКАДЕМИКОМ СКУЛЬПТУРЫ АДАМСОНОМ

10 августа 1912 г.

[...] 1. Я, академик скульптуры А. И. Адамсон обязуюсь исполнить все художественно-скульптурные работы, согласно Высочайше утвержденному проекту памятника [...]

4. Из заказанных мне статуя я обязуюсь по моему выбору и с одобрения Комитета исполнить и представить для отливки фирме Верфель три статуи: одну в половине ноября, вторую к концу декабря 1912 года и третью к концу января месяца 1913 года. Остальные статуи, фигуры и барельефы обязуюсь исполнить в течение трех лет с момента начала скульптурных работ [...]

По уполномочию Комитета председатель Комитета Губернатор П. П. Шиловский, академик А. И. Адамсон.

ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 15, л. 1—1об. Подлинник.

ИЗ ПИСЬМА П. П. ШИЛОВСКОГО КОСТРОМСКОМУ ГУБЕРНСКОМУ КОМИССАРУ КОЗЛОВУ. ПЕТРОГРАД

15 сентября 1917 г.

Производимая эвакуация Петрограда поставила весьма остро вопрос об участии медной бронзы, в количестве 2—3 тысяч пудов, предназначенной на исполнение памятника в Костроме и ныне хранящейся при мастерской академика Адамсона на Обводном канале.

[...] Оставлять столь большую военную ценность на возможность быть присвоенной немцами, в случае занятия ими Петрограда, было бы преступно. [...]

Как член бывшего Комитета, высказываю свое определенное мнение о необходимости немедленно же предложить Военно-Промышленному Комитету [...] приобрести бронзу по цене, не менее вышеуказанной. Полагал бы, что в первую очередь должна быть сдана часть металла в бронзовых пушках, а затем и металл в изваяниях, если бы академику Адамсону не удалось их эвакуировать как предметы искусства. [...]

Член б. комитета от Архивной Комиссии П. Шиловский

ГАКО, ф. 175, оп. 1, д. 10, л. 19—21 об. Подлинник.

ВНИМАНИЕ! ТОЛЬКО У НАС!

Любезные читатели журнала и почитатели старины!

В нашем городе открылось новое и в своем роде единственное торговое заведение—лавка «Костромская старина».

Здесь можно приобрести журналы «Костромская старина» и «Губернский дом», уникальные книги и календари, изданные к 300-летию Дома Романовых.

Здесь можно выбрать различные изделия костромских умельцев, выполненные по старинным рецептам, — посуду и плетение, вышивание и вязание...

Принимаются индивидуальные заказы и коллективные заявки.

Всех, кто интересуется и занимается народными промыслами и ремеслами, просим обращаться в областной государственный архив по телефонам: 54-59-45, 54-25-58, 54-53-07.

Мы рады тем, кто предлагает, и тем, кто покупает.

Адрес лавки «Костромская старина» — г. Кострома, ул. «Северной правды», 24.

В подготовке номера принимали участие: Татьяна **ВОЙТЮК**, Галина **ДАВЫДОВА**, Лариса **КОВАЛЕВА**, Ольга **КИВОКУРЦЕВА**, Андрей **АНОХИН**.

Фото из коллекций Андрея **АНОХИНА** и Георгия **БЕЛЯКОВА**.

Редактор Николай **МУРЕНИН**.

Ответственный секретарь Леонид **МАРКЕЕВ**.

Художник Василий **ЧИСТОВ**.

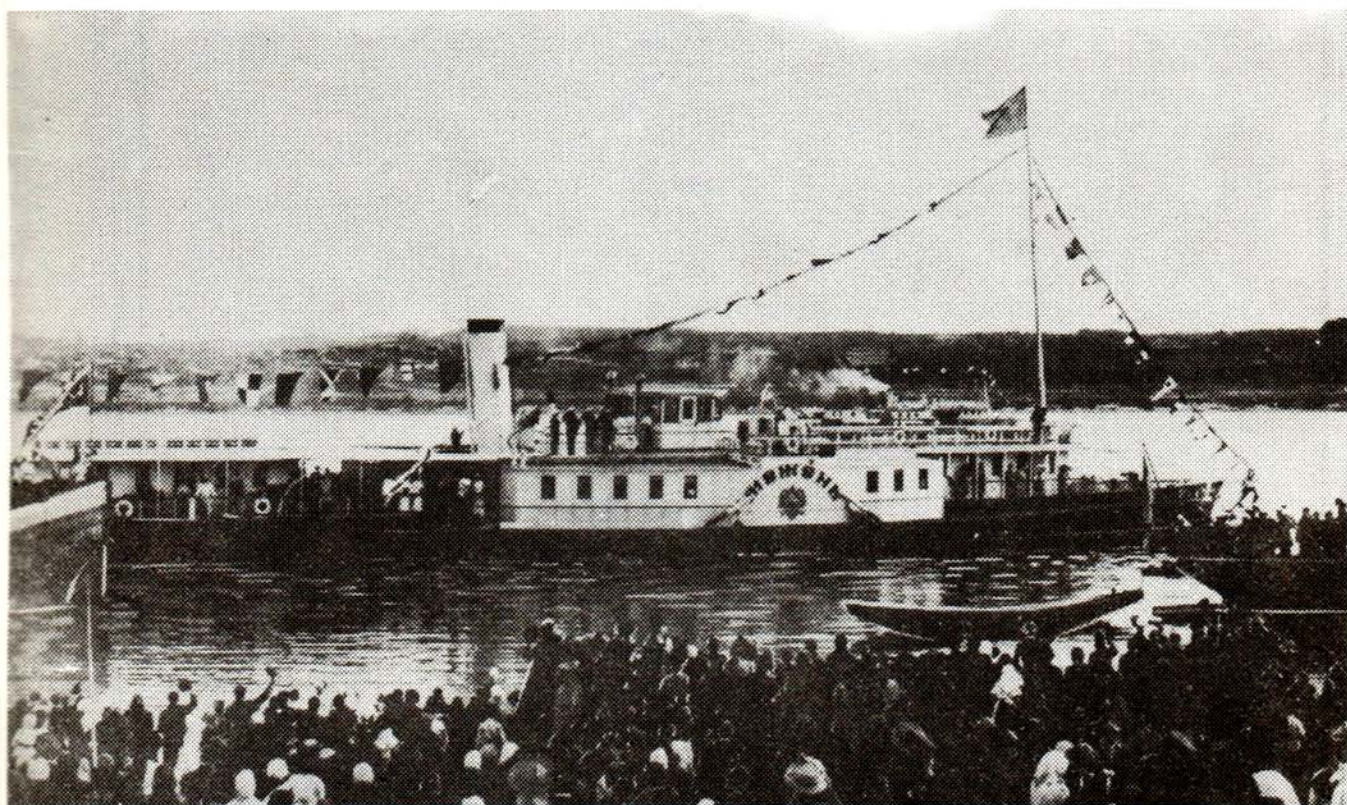
Спонсор номера — финансово-коммерческая компания «Вехи».

Сдано в набор 21.04.93 г. Подписано к печати 19.05.93 г. Печать офсетная.

Тираж 3000 экз. Объем 5 п. л. Цена свободная.

Областная типография им. М. Горького управления по делам печати и массовой информации администрации Костромской области,
г. Кострома, ул. П. Щербинны, 2.

Прощание у городской пристани

Фото К. К. Буллы.

ЭТИМ ВСЕ ЗАКАНЧИВАЛОСЬ.
УПЛЫВАЛ ВДАЛЬ ЦАРСКИЙ ПАРХОД, И
БУДТО МЕДЛЕННО УПЛЫВАЛИ ВМЕСТЕ С
НИМ 300-ЛЕТНИЙ РОМАНОВСКИЙ ДОМ,
ПРЕЖНЯЯ РОССИЯ.

НАРОД В ПУТЬ ДОБРЫЙ ПРОВОЖАЛ, НО
ВПЕРЕДИ УЖЕ ВИДНЕЛИСЬ СОВСЕМ ИНЫЕ
БЕРЕГА...

А БЫЛО ЭТО В 1913 ГОДУ, В ГОРОДЕ КОСТ-
РОМЕ, НА ВОЛГЕ-РЕКЕ.

ИЗДАНИЕ
ОБЛАСТНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА